

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ) МИД РОССИИ
Центр военно-политических исследований МГИМО(У) МИД России
и ОАО «Концерн ПВО «Алмаз-Антей»

А.И. Подберезкин

**ТРЕТЬЯ МИРОВАЯ
ВОЙНА
ПРОТИВ РОССИИ**

ВВЕДЕНИЕ К ИССЛЕДОВАНИЮ

Издательство «МГИМО-Университет»
2015

УДК 327

ББК66.4

П44

Подберезкин А. И.

П44 Третья мировая война против России: введение к исследованию. / А. И. Подберезкин. Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. — М. : МГИМО–Университет, 2015. — 169 с.
ISBN 978-5-9228-1243-6

Монография профессора А. И. Подберезкина «Третья мировая война против России: введение к исследованию» представляет собой продолжение многотомного издания по теории прогнозирования и планирования внешней и оборонной политики, подготовленного Центром военно-политических исследований МГИМО. В новой работе автор развивает, конкретизирует и уточняет некоторые идеи и положения, изложенные ранее. В частности, прогнозирование международной обстановки рассматривается в рамках многослойности международной системы, показывается взаимовлияние основных акторов мировой политики, анализируется взаимосвязь между возможными и вероятными сценариями развития международных отношений. Книга адресована специалистам, занимающимся международной и военно-политической проблематикой, научным работникам и студентам, экспертам и политологам, а также широкому кругу читателей, интересующихся вопросами внешней и оборонной политики.

УДК 327

ББК66.4

ISBN 978-5-9228-1243-6

© Московский государственный институт
международных отношений (университет)
МИД России, 2015

© А. И. Подберезкин, 2015

Оглавление

Вступительное слово генерального директора ОАО «Концерн ПВО „Алмаз-Антей“» Я. В. Новикова	5
Список используемых сокращений и аббревиатур	7
Введение.	
Основные особенности развития международной обстановки в XXI веке	11
Глава I.	
Основные тенденции в развитии международной обстановки в среднесрочной перспективе	25
1а) Основные цивилизационно-политические тенденции, черты и особенности развития международной обстановки до 2021–2024 и 40-х годов XXI века.....	32
1б) Основные финансово-экономические тенденции, черты и особенности развития международной обстановки до 2021–2024 и 40-х годов XXI века.....	36
1в) Основные политико-дипломатические и социальные тенденции развития международной обстановки.....	41
1г) Основные военно-политические особенности развития международной обстановки.....	50
1д) Основные научные и технологические черты развития международной обстановки в XXI веке.....	61
1е) Взаимосвязь тенденций развития международной и военно-политической обстановки.....	64
1ж) Совмещение тенденций мирового развития в XXI веке.....	73
Глава II.	
Развитие основных субъектов международной обстановки в среднесрочной и долгосрочной перспективе	79
2а) Основные тенденции в развитии наций-государств — основных традиционных субъектов международной обстановки — в среднесрочной и долгосрочной перспективе.....	83

2б) Основные тенденции в развитии локальных человеческих цивилизаций — главных субъектов международной обстановки до 2021–2024 годов.....	91
2в) Основные тенденции в развитии международных акторов международной обстановки (союзов, коалиций и блоков) до 2021 и 2040 годов	99
2г) Основные тенденции в развитии негосударственных (национальных) акторов международной обстановки (НКО, СМИ, партий, движений и т.д.)	103
2д) Основные тенденции в развитии негосударственных международных институтов.....	106
2е) Основные тенденции в развитии отношений России с отдельными субъектами международной обстановки в долгосрочной перспективе	108
Глава III. Основные вероятные сценарии развития международной обстановки в XXI веке.....	111
3а) Логика формирования вероятных сценариев развития международной обстановки в XXI веке.....	115
3б) Возможные сценарии развития международной обстановки в XXI веке	127
3в) Наиболее вероятные сценарии развития международной обстановки в XXI веке: необходимость научной концепции	133
3г) Базовый вероятный сценарий развития международной обстановки в 2021–2024 годах — сетцентрическая война западной ЛЧЦ против всех новых центров силы.....	148
3д) Сценарное прогнозирование и стратегическое планирование международной обстановки в интересах России.....	161
Список источников и литературы.....	165

**Вступительное слово
генерального директора
ОАО «Концерн ПВО „Алмаз-Антей“»
Я. В. Новикова**

Книга А. И. Подберезкина «Третья мировая война против России: введение к исследованию» является продолжением масштабной научной работы, осуществляемой Центром военно-политических исследований МГИМО в области теории стратегического прогнозирования международных отношений и военно-политической обстановки вокруг России. В книге получили развитие некоторые ключевые положения и выводы, изложенные в двухтомном издании ЦВПИ «Стратегическое планирование внешней и оборонной политики», опубликованном ранее в этом году.

Автор, в частности, анализирует логику формирования и взаимосвязь между возможными и вероятными сценариями развития международной обстановки. Он также рассматривает взаимное влияние различных субъектов международной системы, таких как государства, международные

организации, союзы и коалиции, а также негосударственные организации, общественные движения и псевдогосударственные образования. В книге показано большое значение стратегического прогнозирования международной обстановки для формирования оптимального сценария развития страны.

В целом книга способствует лучшему пониманию современных мировых процессов и перспектив их развития. В этом качестве она полезна российскому ОПК в том, чтобы помочь выработать адекватную стратегию развития в условиях нарастающей напряженности в международных отношениях.

Генеральный директор
ОАО «Концерн ПВО „Алмаз-Антей“»
Я. В. Новиков

Список используемых сокращений и аббревиатур

АСП	анализ стратегических прогнозов
АТР	Азиатско-Тихоокеанский регион
БЛА	беспилотный летательный аппарат
БРВЗ	баллистическая ракета «воздух–земля»
БРИКС	группа из пяти стран: Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика
ВиВТ	вооружения и военная техника
ВКВ	Воздушно-космические войска
ВКО	воздушно-космическая оборона
ВПО	военно-политическая обстановка
ВПС	мировая военно-политическая система
ВТО	высокоточное оружие
ГЗЛА	гиперзвуковой летательный аппарат
ГНСР МО	группа негативных сценариев развития международной обстановки
ГНСЦР МО	группа нейтральных сценариев развития международной обстановки
ГПСР МО	группа позитивных сценариев развития международной обстановки
ГПУ	грунтовые пусковые установки
ЕврАзЭС	Евразийское экономическое сообщество

ЕС	Европейский союз
ЕТП	единое транспортное пространство
ИКАО	Международная организация гражданской авиации
КР	крылатая ракета
КСП ПРО	комплекс средств преодоления ПРО
ЛАГ	Лига арабских государств
МБР	межконтинентальные баллистические ракеты
МО	Международная обстановка
НАТО	Организация Североатлантического договора
НТП	научно-технический прогресс
НЧК	национальный человеческий капитал
ОАЭ	Объединенные Арабские Эмираты
ОБСЕ	Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе
ОВД	Организация Варшавского договора
ОДЭР	Организация за демократию и экономическое развитие
ООН	Организация Объединенных Наций
ОЭСР	Организации экономического сотрудничества и развития
ПРО	противоракетная оборона
РЛС	радиолокационная станция
СААРК	Ассоциация регионального сотрудничества стран Южной Азии
СВА	Северо-Восточная Азия
СЕ	Совет Европы
СЕАП	Совет евроатлантического партнерства
СЕНКООП	Сотрудничество центральноевропейских государств
СИПРИ	Стокгольмский институт исследования проблем мира
СКР	стратегические крылатые ракеты
СМП	Северный морской путь

СНБ	Совет национальной безопасности США
СНГ	Содружество Независимых Государств
СО	стратегическая обстановка
СПРН	система предупреждения о ракетном нападении
СЯС	Стратегические ядерные силы
ТАП	трансатлантическое партнерство
ТБ	тяжелый бомбардировщик
ТЛУ	транспортно-логистические услуги
ТТП	Транстихоокеанское партнерство
ЦИНК	Центр изучения национальных конфликтов
ЧЦ	человеческая цивилизация
ШОС	Шанхайская организация сотрудничества
ЮНЕСКО	Организация Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры
ЯБЗ	ядерный боезаряд

Введение.
**Основные особенности
развития международной
обстановки в XXI веке**

В Военной доктрине учтены основные положения Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, а также соответствующие положения Концепции внешней политики Российской Федерации, Морской доктрины Российской Федерации на период до 2020 года, Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года и других документов стратегического планирования¹.
Военная доктрина России

Понимание сути современной международной и военно-политической обстановки (МО и ВПО) обязательно для определения точного отношения и конкретной современной стратегической обстановки (СО), уже ведущейся сетецентрической войны против России. В начале 2015 года в российской правящей элите и экспертном сообществе наблюдался очевидный кризис в оценке СО. Во многом он вызван кри-

¹ Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Президентом РФ В. Путиным 26 декабря 2014 г. [Электронный ресурс]. URL : <http://www.kremlin.ru/>

зисом в общем подходе к теории МО², но не только. Определенно сказывались остатки господствовавшей либеральной идеологии, мешавшие трезво взглянуть на происходящее. Те же люди, кто во времена М. Горбачева монополизировали телевидение своими заклинаниями о «единой цивилизации», сегодня, пятаясь, пытаются, по сути, говорить то же самое. Соглашаясь с С. Переслегиным, мы признаем, в принципе, что, во-первых, будущий сценарий МО и ВПО цивилизационно предопределен развитием сценария взаимоотношений локальных человеческих цивилизаций (ЛЧЦ), а во-вторых, что таких сценариев в итоге будет немного, «скорее всего — один». И этот «один — будет крайне пессимистичен. Очень похоже, что столкновение локальных цивилизаций не просто неизбежно, но уже началось: западная ЛЧЦ хочет во что бы то ни стало подчинить себе другие. Более того, уже начала — системно и последовательно — этот процесс. Поставки западных ВиВт это фактически участие (пусть и «опосредованное, как говорят на Западе»)»³.

Однако эти самые общие выводы совершенно не могут нас удовлетворить, потому что имеют мало практического значения. Потому что наша главная задача — это в конечном счете выделить один или два сценария развития МО в среднесрочной (до 2021–2025 гг.) и долгосрочной перспективах (до 2045–2050 гг.).

Общий план и самая общая структура работы представляются в этой связи следующими:

Первый этап исследования предполагает анализ и прогноз (среднесрочный, до 2021–2024 гг., и долгосрочный — до 2045–2050 гг.) развития основных тенденций, формирующих будущее человеческой цивилизации и международной обстановки

² *Переслегин С., Переслегина Е.* Дикие карты будущего, или «Сталинград» (фрагмент). С. 22.

³ *Верхожанцев А.* Приметы третьей мировой войны / «ЦВПИ» [Электронный ресурс]. URL : <http://eurasian-defence.ru>. 2015. 2 марта.

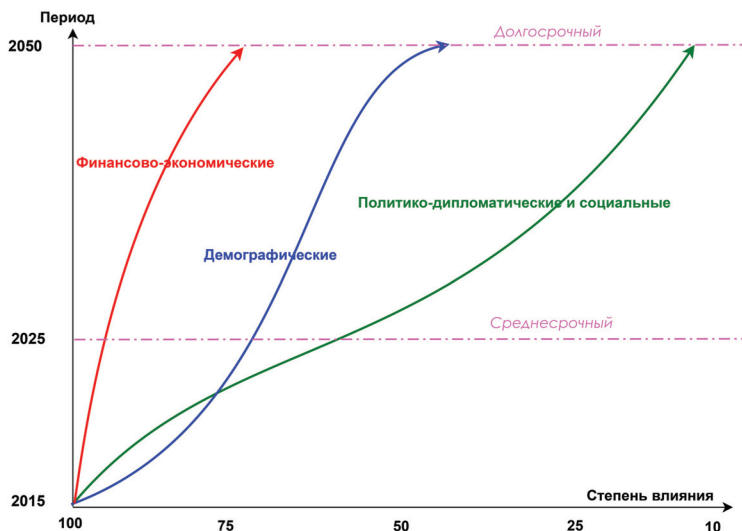
(МО), в результате которых мы выделяем несколько возможных и один–два наиболее вероятных сценария развития МО:

- до 2021–2024 годов;
- до 2050-х годов XXI века.

Таким образом, в основу анализа и прогноза наиболее вероятных сценариев развития МО — среднесрочных и долгосрочных — положен анализ и прогноз основных тенденций мирового развития. Такой подход предполагает, что именно мировые — глобальные и региональные — тенденции развития являются основными факторами формирования МО в среднесрочной и долгосрочной перспективах, а остальные факторы играют менее значимую роль.

Предполагается, что именно исследование таких тенденций позволит нам не только наметить весь спектр возможных

Рис. 1. Логическая схема возможных и вероятных сценариев развития МО на основе анализа мировых тенденций в среднесрочной и долгосрочной перспективах

сценариев развития МО, но и выделить среди них один–два наиболее вероятных сценария развития. Логическая схема может быть представлена следующим образом (рис. 1).

Примеры:

- а) финансово-экономические;
- б) демографические;
- в) политико-дипломатические и социальные;
- г) др.

Второй этап исследования предполагает анализ и прогноз развития влияния основных традиционных субъектов МО — локальных человеческих цивилизаций (ЛЧЦ), государств и наций, в результате чего мы определяем один–два наиболее вероятных сценария развития МО:

- до 2021–2024 годов;
- до 2050-х годов и далее.

Этот этап анализа и прогноза предполагает использование достаточно традиционного подхода, который в конечном счете сводится к исследованию влияния отдельных (прежде всего основных) субъектов на формирование и развитие сценариев МО — как возможных, так и наиболее вероятных⁴.

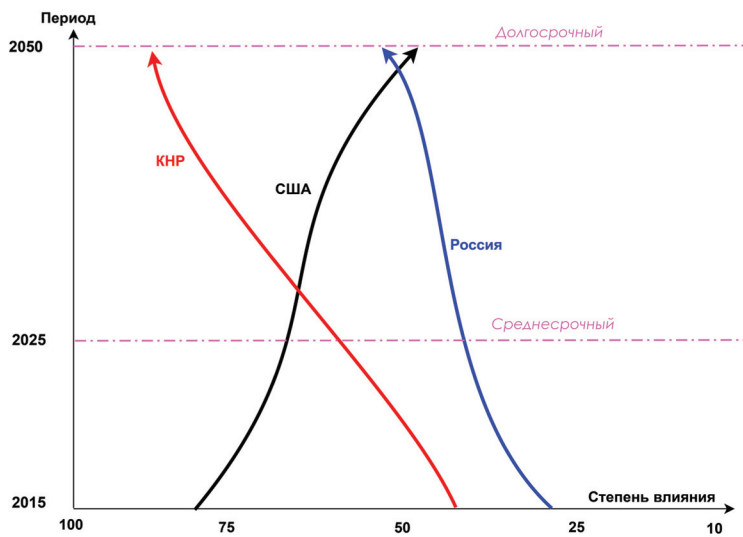
Естественно, что на формирование того или иного сценария развития МО отдельные субъекты оказывают разное влияние. Если взять крайности — США и Монако, например, то очевидно, что роль, значение и влияние этих субъектов различны.

Еще более важным является изменение этого влияния по времени, что ведет к изменению в глобальном и региональном соотношении сил. Так, изменение доли ВВП США с 18% в мировом ВВП в 2015 году до 16% в 2025 году и до 12% в 2045 году, естественно, не может не отразиться на соотно-

⁴ Подберезкин А.И., Мунтян М.А., Харкевич М.В. Долгосрочное прогнозирование сценариев развития военно-политической обстановки: аналит. доклад. М. : МГИМО–Университет, 2014.

шении сил в мире, которое, однако, не может быть простой экстраполяцией падения влияния США: за эти же годы США могут усилить другие составляющие своей мощи — военную силу, коалиционную мощь или качество национального человеческого капитала (НЧК) и его институтов⁵. Таким образом, задачей анализа и прогноза является определение в среднесрочной и долгосрочной перспективах влияния отдельных ЛЧЦ и государств на МО, а через изучение их целей — и на возможные и вероятные сценарии развития МО. В самом общем виде эту работу можно представить на следующей логической схеме (рис. 2).

Рис. 2. Логическая схема анализа и прогноза влияния отдельных субъектов МО (ЛЧЦ и государств) на формирование сценариев развития в среднесрочной (2021–2025 гг.) и долгосрочной (2045–2050 гг.) перспективах

⁵ Подберезкин А.И. Национальный человеческий капитал. Т. I–III. М. : МГИМО–Университет, 2011–2013.

Примеры:

- а) степень влияния США (динамика изменения экономической, финансовой, научно-технической и пр. мощи) на МО в среднесрочной (2021–2025 гг.) и долгосрочной (2045–2050 гг.) перспективах;
- б) степень влияния РФ (динамика изменения экономической, финансовой, научно-технической и пр. мощи) на МО в среднесрочной (2021–2025 гг.) и долгосрочной (2045–2050 гг.) перспективах;
- в) степень влияния КНР (динамика изменения экономической, финансовой, научно-технической и пр. мощи) на МО в среднесрочной (2021–2025 гг.) и долгосрочной (2045–2050 гг.) перспективах.

Так, из приведенных примеров видно, например, что к 2021–2025 годам степень влияния КНР и США сравниваются, а к 2045–2050 годам влияние КНР в мире на формирование МО существенно превысит влияние США, т. е. в 2015 году мир будет «китаеориентированным» больше, чем «америкоориентированным».

Примечательно, что влияние России прогнозируется на рисунке как усиливающееся, что в период «равенства» США–КНР в 2021–2025 годах может сыграть важную роль.

Третий этап исследования предполагает анализ и прогноз развития основных негосударственных (международных и общественных) акторов мировой политики, в результате которых мы определяем их влияние на формирование возможных и наиболее вероятных сценариев развития МО:

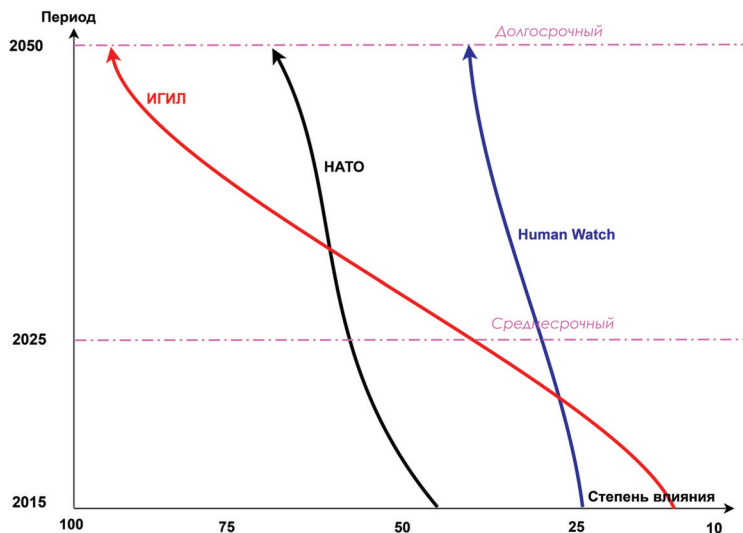
- до 2021–2024 годов;
- до 2040-х годов и далее.

Есть основания полагать, что в XXI веке ожидается разное усиление влияния международных и негосударственных акторов мировой политики. И не только традиционных (как, например, военно-политических коалиций и международных институтов, которые играют все более заметную

наднациональную роль в ЕС, НАТО, МВФ, ВБ и множестве других международных организаций), но и принципиально новых негосударственных международных и национальных акторов мировой политики, таких, например, как ИГИЛ или «Правый сектор», или «КиберБеркут».

До XXI века эти акторы (за редким исключением национально-освободительных движений и организаций типа ООП или «Ирландской освободительной армии» или Африканского национального конгресса) играли незначительную, даже второстепенную роль, но уже в конце XX века они стали превращаться в факторы, влияющие на развитие МО и ВПО в мире. Объяснения этому как минимум два. Во-первых, возрастающая роль НЧК и его институтов привела, по сути,

Рис. 3. Логическая схема анализа и прогноза влияния отдельных акторов (субъектов и тенденций) на формирование сценариев развития МО в среднесрочной (2021–2025 гг.) и долгосрочной (2045–2050 гг.) перспективах

к началу нового, социально-исторического этапа в человеческой цивилизации, где роль идеологии, психологии человека становится решающей.

Другая причина — появление новых информационных и социальных технологий, которые сделали решительный шаг в организационном развитии общественных и политических организаций: появлении сначала сетевых, а затем и роевых организаций.

По аналогии с государственными факторами, влияющими на формирование МО, на третьем этапе анализа и прогноза требуется рассмотреть динамику изменения влияния негосударственных акторов на развитие сценариев МО (рис. 3).

Примеры:

- а) влияние международных военно-политических коалиций (типа НАТО) на формирование МО;
- б) влияние идеологических роевых организаций (типа ИГИЛ) на формирование МО;
- в) влияние международных общественных организаций (типа «Human Watch») на формирование МО.

Как видно из рисунка, в самом общем виде можно сделать вывод о том, что влияние негосударственных акторов мировой политики на формирование МО резко, даже стремительно возрастает. Причем это относится ко всем акторам, которые (в отличие от других факторов МО, например государств или мировых тенденций) развиваются в одном направлении.

Четвертый этап исследования — анализ возможных и наиболее вероятных сценариев развития МО — предполагает «совмещение» — сопоставление и сравнение — выделенных в ходе трех этапов наиболее вероятных сценариев развития МО в среднесрочной и долгосрочной перспективах. Подобное сопоставление (в случае схожести сценариев развития МО) может в идеале дать возможность даже «наложение» одного вероятного сценария развития МО на другие.

Другими словами, основанные на разной информации и разных методах анализа и прогноза выводы в отношении того или иного вероятного сценария развития МО могут быть близки либо даже совпасть. Это, безусловно, увеличивает вероятность того, что именно этот сценарий развития МО будет доминирующим в среднесрочной либо долгосрочной перспективе. Так, если в результате анализа мировых тенденций (первый этап) окажется, что наиболее вероятным сценарием в долгосрочной перспективе будет сценарий «борьбы за ресурсы и возможности», а в результате анализа государственных акторов (второй этап) — «войны коалиций», то анализ влияния негосударственных акторов (третий этап) скорее всего покажет не только усиление их влияния, но и в результате чего это будет происходить⁶.

Таким образом, в результате исследования может остаться 2–6 наиболее вероятных сценариев развития МО, часть из которых может быть близка друг к другу или даже совпадать. В идеале может оказаться, что 1–2 сценария совпадают полностью и поэтому они интегрируются в единый сценарий развития будущей МО, имеющий два временных промежутка прогноза — до 2021–2024 годов и после 2045 года.

Надо только помнить, что к этому времени вероятность изменения ныне существующей парадигмы развития человечества, МО и ВПО будет очень высока.

При этом очень важно также иметь в виду, что простая «сумма» трех групп тенденций не может дать точного ответа на вопрос о будущем сценарии развития МО. Необходимы их синтез, системное «взаимопроникновение» и выработка понимания этого взаимовлияния. Как справедливо замечают исследователи МГИМО, «...международные отношения — это не просто сумма, совокупность каких-то отдельных

⁶ Подберезкин А. И. Военные угрозы России. М. : МГИМО–Университет, 2014.

компонентов (мировых политических процессов, внешней политики отдельных государств и т. п.), а сложный, но единый организм, свойства которого в целом не исчерпываются суммой свойств, присущих каждой из его составляющих в отдельности»⁷.

Сказанное означает, что обозначенные четыре этапа в исследовании трех групп тенденций дают основания для того, чтобы попытаться рассмотреть эти процессы во взаимосвязи, когда основные противоречия между ними устранены либо им найдены логические объяснения, а наиболее вероятные итоговые сценарии вполне совместимы. В конечном счете нам необходим практический результат, который заключается в описании характера и особенностей наиболее вероятного сценария (или двух его вариантов) развития МО в среднесрочной перспективе до 2021–2025 до 2045–2050 годов, а не «набор» различных возможных сценариев. Такой набор может иметь общую футуристическую ценность, но минимальное практическое значение. Так, например, если в результате исследования первой группы тенденций (на 1-м этапе) обнаруживается в качестве наиболее вероятного сценария сценарий «X», то он должен быть совместим по своим основным характеристикам со сценарием, полученным в результате исследования второй группы тенденций (на 2-м этапе), — сценарием «Y», и третьей группы тенденций (на 3-м этапе) — сценарием «Z». Либо, в случае если эти сценарии оказываются несовместимыми (что на самом деле должно настораживать, ибо скорее всего свидетельствует об ошибках анализа), должно быть найдено аргументированное объяснение этому несоответствию и противоречию.

Надо понимать, что «глубина анализа» на каждом из этапов исследования может быть очень разной. Как прави-

⁷ Введение в прикладной анализ международных ситуаций / под ред. Т. А. Шаклеиной. М. : ЗАО «Аспект Пресс», 2014. С. 14.

ло, авторы современных прогнозов ограничиваются самым общим описанием того или иного фактора или тенденции, что, с одной стороны, снимает с них ответственность, но, с другой — не позволяет делать действенный прогноз, нацеленный на конкретный результат.

Учитывая, что «глубина анализа» прямо зависит от существующих ресурсов, в любом случае предстоит ограничить такой анализ или прогноз определенным количеством избранных критериев. Важно, однако, чтобы было общее понимание: анализ и прогноз развития МО требует исследования сотен, даже тысяч факторов и критериев. Так, например, описывая на втором этапе анализа влияние США, можно остановиться на 10–15 основных критериях (ВВП, площадь территории, численность населения, военные расходы и т. д.), которые мало что дадут для практического использования. Разве что самое общее представление о стране как факторе МО, в то время как важно знать не только объем ВВП, но и его структуру, динамику: например, важно знать не только военные расходы, но и качество личного состава ВС, качество ВиВТ, систем управления и т. п.

Другой пример. Находясь на втором этапе исследования и выбирая из 200 государств — участников МО наиболее влиятельные, как правило, традиционно останавливаются на 5–7, в лучшем случае на 10–12 государствах. Однако в XXI веке число государств, чье влияние на формирование МО стало заметным и даже сильным, существенно возросло. Более того, некоторые государства «второго ряда» (Индонезия, Мексика, например), чье влияние на МО всерьез не учитывалось, в долгосрочной перспективе войдут в 20 ведущих государств, а некоторые (как Казахстан и Узбекистан) вплотную приблизятся к этой группе.

В любом случае, размышляя о состоянии и перспективах развития МО, важно не только анализировать самые общие тенденции, как это традиционно делалось в последние

десятилетия, включая и российских исследователей, но и пытаться приблизиться к практическим выводам. В настоящее время не только наконец-то признается важность стратегического планирования (и даже принят в июне 2014 года соответствующий закон), но даже и делаются попытки заставить ведомства вплотную заниматься стратегическими прогнозами и планированием. К сожалению, пока что, как правило, неудачно. В этом смысле справедливы слова С. Переслегина, которые в полной мере могут быть отнесены к российской элите: «... как показывает опыт всех без исключения ролевых игр, люди, находящиеся у власти, всегда реагируют на конкретную тактическую угрозу, а не на отдельную проблему стратегического характера, даже если ее опасность они вполне сознают»⁸.

Целью настоящей работы является попытка приблизиться к тому, чтобы показать не только «стратегическое будущее», но и конкретную точку отсчета — опасное настоящее, которое формирует уже более опасное будущее.

⁸ Переслегин С., Переслегина Е. Дикие карты будущего, или «Сталинград» (фрагмент). С. 69–70.

Глава I.
**Основные тенденции
в развитии международной
обстановки в среднесрочной
перспективе**

Его (научного прогнозирования. — А.П.) сверхзадача — предвидеть наиболее долгосрочные тенденции, выявлять ключевые детерминанты и возможные поворотные пункты мирового развития¹.

А. Дынкин, директор ИМЭМО РАН

После десятилетия, которое характеризовалось событиями 11 сентября, двумя войнами и финансовыми кризисами, президент Обама пришел к власти с намерением восстановить новое глобальное лидерство США².

Т. Донилон, советник по национальной безопасности президента США

На первом этапе, как уж говорилось, требуется рассмотреть основные тенденции, влияющие на развитие МО в настоящее время, в среднесрочной и долгосрочной перспективах. При этом сам выбор этих тенденций уже является субъективным выбором, когда доказать значительное влияние тех или иных тенденций (а тем более их решительное влияние) практически невозможно. Так, например, окажись мы перед такой же задачей в СССР периода 80-х годов, мы крайне маловероятно, что выделили бы в качестве главной

¹ Дынкин А.А. Предисловие // Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант / под ред. акад. А.А. Дынкина, ИМЭМО РАН. М.: Магистр, 2011. С. 15.

² Donilon Tom. The United States and the Asia-Pacific in 2013» // The Asia Society. New York, March 11, 2013.

тенденции развал Организации Варшавского договора, социалистического содружества и в конечном счете СССР, хотя именно это, как оказалось, уже в 1990-е годы и было самой главной тенденцией мировой политики.

Другой пример. В те же 1980-е годы я пытался безуспешно обратить внимание на исключительно важную роль информатики и систем боевого управления, связи и разведки не только в военной сфере, но и во внешней политике государств, тех последствий для внешней политики, которые будет иметь массовое внедрение высокоточного оружия (ВТО) уже в 1990-е годы³. Реакция — политическая, военная и партийная — была резко отрицательная, хотя уже через несколько лет в конфликте в Ираке, а затем в Югославии и т. д. это стало очевидным.

Иными словами, выбор наиболее важных тенденций, которые в настоящее время, а тем более в будущем будут влиять на мировую политику, — очень важный субъективный этап. Чтобы минимизировать его возможные ошибки, как представляется, необходимо попытаться:

- во-первых, не ограничиваться двумя–тремя тенденциями, а попытаться расширить их спектр на все основные сферы международной политики и международных отношений;
- во-вторых, уже на стадии отбора привлечь как можно больше факторов и информации о таких тенденциях.

В настоящем разделе приводятся только основные, на взгляд автора, тенденции, которые влияют на мировую политику во втором десятилетии XXI века. Величину их влияния предлагается оценить по 100-балльной системе — от 10 (отмечено влияние) до 100 (решающее влияние). Это можно представить в виде некой «матрицы влияния» ми-

³ Подберезкин А. И. Значение развития систем боевого управления, связи и разведки в военной доктрине США: дис... д-ра ист. наук : 1990 / ДА МИД СССР [Электронный ресурс]. URL : <http://viperson.ru/>

ровых тенденций при том понимании, что их число может быть значительно больше, а также что могут появиться (даже неизбежно появятся в долгосрочной перспективе) новые тенденции, которые сегодня пока не существуют либо не обладают заметным влиянием.

«Примерная матрица влияния» отдельных тенденций на развитие международной обстановки

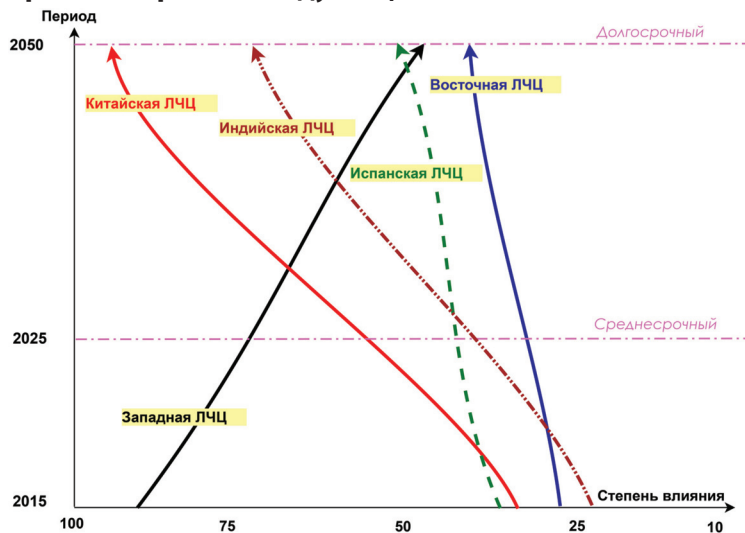
Решающее влияние	Очень сильное влияние	Сильное влияние	Направляющее влияние	Определяющее влияние	Заметное влияние	Влияние	Слабое влияние	Очень слабое влияние
90–100	80–90	70–80	60–70	50–60	40–50	30–40	20–30	10–20

Таким образом, для нас важно:

- выделить ту или иную тенденцию как значимую, важную для формирования МО;
- определить степень её влияния в настоящее время (т. е. в 2015 г.);
- спрогнозировать степень её влияния в среднесрочной перспективе до 2021–2025 годов;
- спрогнозировать степень её влияния в долгосрочной перспективе до 2045–2050 годов;
- рассмотреть взаимодействие этой тенденции с другими мировыми тенденциями.

В качестве примера можно привести первую выделяемую мировую тенденцию — усиление цивилизационно-политического противоборства между локальными человеческими цивилизациями в XXI веке. Как представляется, развитие этой тенденции может выглядеть следующим образом (рис. 4).

Рис. 4. Состояние и перспектива развития тенденции усиления цивилизационно-политического противоборства между ЛЧЦ в XXI веке

Как видно из рисунка, на фоне слабеющего объективного влияния западной ЛЧЦ (которая борется за его сохранение) происходит усиление влияния других ЛЧЦ, прежде всего китайской, исламской, а затем и индийской, чьё влияние в долгосрочной перспективе должно быть не только сопоставимым, но и сравнимым.

Отсюда ключевое значение в настоящее время и в среднесрочной перспективе следует уделить влиянию западной ЛЧЦ, которая начала активно бороться за сохранение своего влияния в мире перед лицом опасности усиления влияния российской, китайской, исламской и других ЛЧЦ.

Программное заявление Б. Обамы 2013 года имело стратегические по масштабам и времени последствия. В последующие годы США предприняли резкую активизацию своей внешней политики, что позволило Б. Обаме в конце

2014 года заявить, что Америка вернула себе мировое лидерство.

Между этими заявлениями прошло всего несколько лет. Понятно, что за 2–3 года правящая элита США не могла осуществить каких-то качественных изменений в соотношении сил в мире таким образом, чтобы «вернуть лидерство США». Значит, «возвращение лидерства» лежит в политической области, а именно:

- в публичной заявке на такое мировое лидерство, которое сохраняется как минимум на среднесрочную перспективу до 2021–2024 годов независимо от того, какая администрация будет у власти;
- в декларировании того, что США не потерпят попыток помешать этому лидерству, что было наглядно продемонстрировано в политике по отношению к В. Путину в 2014 году;
- в безусловном усилении силового, в том числе военно-силового, компонента американской внешней политики. Собственно, все усилия должны быть сосредоточены на утверждении этого сценария.

Развитие МО до 2021 года находится под влиянием трех основных групп факторов, деление на которые лежит в основе анализа и прогноза МО и выступает в качестве структурообразующего принципа данного раздела⁴. Это:

- основные тенденции (глобальные, региональные и локальные), формирующие условия развития МО в самых разных сферах человеческой деятельности, черты и особенности развития МО и ВПО;
- основные субъекты МО — государства и нации, реализующих свое право на проведение в той или иной степени суверенной внешней политики;

⁴ Подберезкин А. И. Военные угрозы России. М. : МГИМО–Университет, 2014.

- другие акторы МО, прежде всего международных, негосударственных и иных политических коалиций, экономических союзов и т. д.

Исходя из предлагаемой систематизации, следует рассмотреть развитие всех трех групп факторов до 2026 и 2040 годов, обратив особое внимание на период до 2021 года. Думается, что в итоге каждая из тенденций может привести нас к этому наиболее вероятному сценарию, а совпадение двух тенденций делает этот сценарий убедительным.

1а) Основные цивилизационно-политические тенденции, черты и особенности развития международной обстановки до 2021–2024 и 40-х годов XXI века

Мировое развитие на современном этапе характеризуется... соперничеством ценностных ориентиров и моделей развития...⁵
Военная доктрина России

Существует два принципиально отличных подхода к оценке значения ведущих акторов мировой политики. Первый — цивилизационный, в соответствии с которым основные системы ценностей и интересов предопределяют развитие политических и иных отношений в мире. Второй подход отдает предпочтение государствам в качестве основных субъектов формирования МО, игнорируя цивилизационную общность и интересы.

⁵ Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Президентом РФ В. Путиным 26 декабря 2014 г. [Электронный ресурс]. URL : <http://www.kremlin.ru/>

Развитие МО и в самом общем плане отношений между ЛЧЦ в XXI веке происходило на фоне нового качественного («фазового») цивилизационного кризиса. Вот как его в общих чертах описывают Сергей и Елена Переслегины: «В целом ситуация выглядит следующим образом: столкновение цивилизации с постиндустриальным барьером проявилось как возникновение ряда тормозящих социальных практик. Это усугубилось попытками правящих кругов Запада предотвратить развитие революционной ситуации 1968 года, что вылилось в „политику нулевой пассионарности“ и строительство социального государства. В результате произошло резкое снижение качества человеческого материала, упала производительность капитала и возникла угроза кризиса евроатлантического мира-экономики»⁶.

Ответом на этот риск стала политика глобализации, которая стала возможной после краха СССР. Глобализация привела, однако, лишь к двадцатилетней передышке. Начало кризиса удалось отодвинуть, но за счет увеличения его масштаба. К концу 2008 года экономические возможности глобализированной экономики были полностью исчерпаны.

Кроме того, распад Советского Союза и крушение советского мира-экономики снизили уровень технологической, научной и военной конкуренции, что, во-первых, привело к дополнительному барьерному торможению и, во-вторых, уничтожило возможность выхода из экономического кризиса через перекачку инвестиционных ресурсов в альтернативные экономические структуры. На практике это проявилось как пропуск очередного кондратьевского цикла.

Политика глобализации привела к росту международного терроризма и переходу его в новую, гораздо более опасную форму. 11 сентября 2001 года мир столкнулся с классическим

⁶ Переслегин С., Переслегина Е. Дикие карты будущего, или «Сталинград» (фрагмент). С. 70–72.

событием-маркером, обозначающим точку невозврата в фазовом кризисе. Реакция Запада на разрушение башен-близнецов была инстинктивной, то есть выполненной в логике естественного ответа социальной системы на внешний раздражитель. Результатом стали две малопопулярные и затратные войны, а также развитие практики ограничения демократических свобод под предлогом борьбы с терроризмом и различные сценарии.

На сегодня можно с уверенностью сказать, что все сценарные разработки запоздали. Тем не менее делать что-то надо. «Окно» сценарных возможностей закрывается на наших глазах, но оно еще не закрыто окончательно.

Примерно так выглядит сценарное пространство, на котором развернутся все значимые события ближайшего десятилетия.

В начале 2015 года приходится констатировать, что обострение межцивилизационных отношений между двумя центрами силы и цивилизаций — прежде всего Россией и США — приобрело устойчивую тенденцию, которая просматривается и в будущем. Эти отношения стали называть в 2014 году «новой холодной войной», хотя сохранилось и определенное число известных политиков и экспертов, по-прежнему считающих, что холодная война была временной «абerrацией... на общем фоне всемирно-исторического развития»⁷.

В действительности отношения между локальными человеческими цивилизациями будут не только заменой «идеологических и иных форм конфликтов», как справедливо считает С. Хантингтон, но и станут ее «преобладающей формой»⁸. Превращение межцивилизационных отношений в основную форму к 2021–2024 годам означает:

⁷ Яковенко А. После смерти идеологии // Россия в глобальной политике. Т. 10. 2014. № 4. С. 33.

⁸ Владимиров А. И. Основы общей теории войны. В 2 ч. Ч. 1. Основы теории войны. М.: Синергия, 2013.

1. Перенос противоречий между государствами и нациями из области борьбы за ресурсы в область борьбы и продвижения системы ценностей. Причем главный ресурс в XXI веке, от которого в конечном счете зависит противоборство ЛЧЦ, — человеческий потенциал, существующий в нации и ее институтах⁹.
2. Усиление бескомпромиссности борьбы, так как в области идеологии и систем ценностей поиск компромиссов затруднен.
3. Изменение основного объекта политического воздействия — абстрактного государства — на представляющую его элиту.
4. Усиление субъективности в принятии тех или иных решений и в оценке действительности.
5. Значительное усиление роли творческих (креативных) социальных групп в экономической и политической жизни государств.
6. Складывание новой многополярной системы, в которой возрастающую роль будут играть новые центры.

⁹ Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 1–3. М.: МГИМО–Университет. 2011–2013.

16) Основные финансово-экономические тенденции, черты и особенности развития международной обстановки до 2021–2024 и 40-х годов XXI века

... весь смысл украинской операции вообще и каждого ее эпизода в частности состоит в том, что нет в них никакого смысла¹⁰.

Т. Волкова

В ближайшие два десятилетия... главными долгосрочными факторами развития мировой экономики будут являться глобализация рынков товаров и услуг, и капитала, а также интенсификация инновационных процессов¹¹.

Авторы Стратегического глобального прогноза 2030

Анализ относительно устойчивых экономических и финансовых тенденций остается, может быть, единственной реальной точкой отсчета для политического анализа и стратегического прогноза потому, что все другие факторы настолько субъективны, что допускают великое множество толкований и неограниченное количество сценариев. Среди этих доминирующих тенденций в мировой экономике традиционно выделяют две — глобализацию и интенсификацию инновационных процессов.

Если согласиться с этой точкой зрения, то будущее ЛЧЦ представляется достаточно простым: победит тот сценарий развития, где доминировать будет лидер в области глобализации и инноваций. Сегодня этот бесспорный лидер — США,

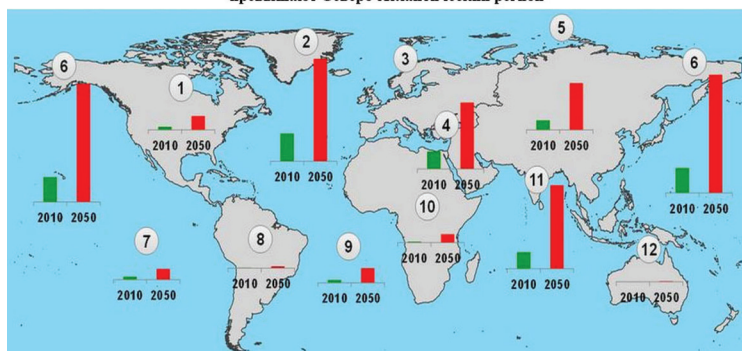
¹⁰ Волкова Т. Китайская стратегия украинской войны [Электронный ресурс]. URL : <http://forum-msk.org/> (дата обращения: 21.01.2015).

¹¹ Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант / под ред. акад. А. А. Дынкина, ИМЭМО РАН. М. : Магистр, 2011. С. 115.

но к нему уже вплотную приблизился Китай, который удивительно эффективно использует не только достижения глобализации, но и перенимает успехи инновационного развития. Других соперников в 2015 году не видно — настолько США и КНР опередили другие ЛЧЦ и нации в этих двух процессах.

Рис. 5. Перераспределение физических объемов торговли в 2010–2050 годы очень хорошо иллюстрирует изменение в соотношении сил между центрами силы.

Объемы перевозок в Северо-Тихоокеанском регионе превышают Северо-Атлантический регион

Источник: International Transport Forum. 2014. Annual Summit [Электронный ресурс]. URL : <http://www.internationaltransportforum.org/jtrc/DiscussionPapers/DP201421.pdf>

Усиление цивилизационных центров силы и нарастание межцивилизационных противоречий неизбежно будет вести к появлению валют — конкурентов американскому доллару и укреплению золотого стандарта. Этот объективный процесс уже начался с исключения доллара из ряда соглашений в качестве единственной резервной валюты во взаиморасчетах целого ряда государств — от КНР и России до Ирана.

По мере ограничения использования доллара в качестве единственной валюты будет сокращаться и его возможность

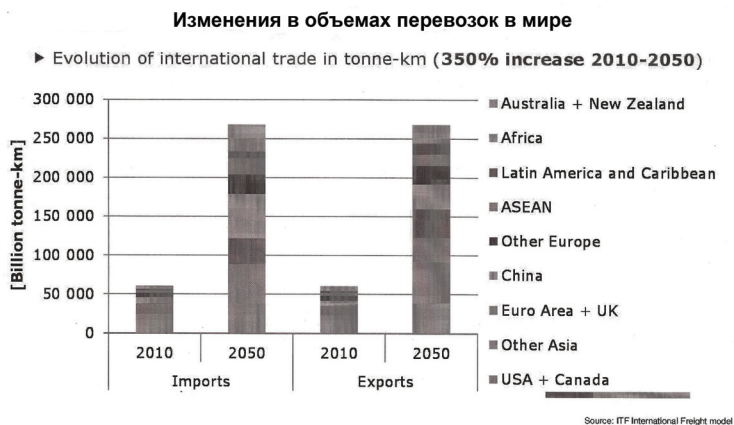
универсального средства платежа, и усиливаться финансовая нестабильность в США.

Таким образом, в первой половине XXI века в финансово-экономической области будут развиваться две прямо противоположные, противоречивые и даже враждебные тенденции.

Первая: усиление политического, экономического и военного давления США на остальные страны с тем, чтобы сохранить позиции доллара в качестве основной мировой валюты.

Вторая: укрепление других валют и экономик, и переход на взаиморасчеты в других валютах между странами. Так, прогнозируемый к 2050 году рост внешней торговли в мире радикально меняет всю ее структуру в пользу новых экономических центров силы, что неизбежно ведёт к постепенному возрастанию роли национальных валют и ослаблению роли доллара.

Рис. 6

Источник: International Transport Forum. 2014. Annual Summit [Электронный ресурс]. URL : <http://www.internationaltransportforum.org/jtrc/DiscussionPapers/DP201421.pdf>

Особенно дестабилизирующую роль может сыграть отказ КНР, России и других стран от доллара и переход к золотому стандарту.

После того как Центральный банк Швейцарии сообщил в январе 2015 г. о том, что он отказывается от привязки курса франка к евро, которую он ввёл в 2011 году, на мировых финансовых рынках начался хаос и паника. После объявления этого решения курс евро по отношению к франку одновременно упал на 30%.

Если посмотреть на привязку китайского юаня к американскому доллару, то возникает естественный вопрос: что произойдёт, если Китай также откажется от привязки своей национальной валюты к доллару? История со Швейцарией имеет одни последствия, а история с Китаем может иметь совсем другие результаты. Если монетарные власти Китая всё же примут решение отказаться от привязки юаня к доллару, то это будет иметь катастрофические последствия для американской валюты и тогда вся мировая финансовая система начнёт рушиться на глазах.

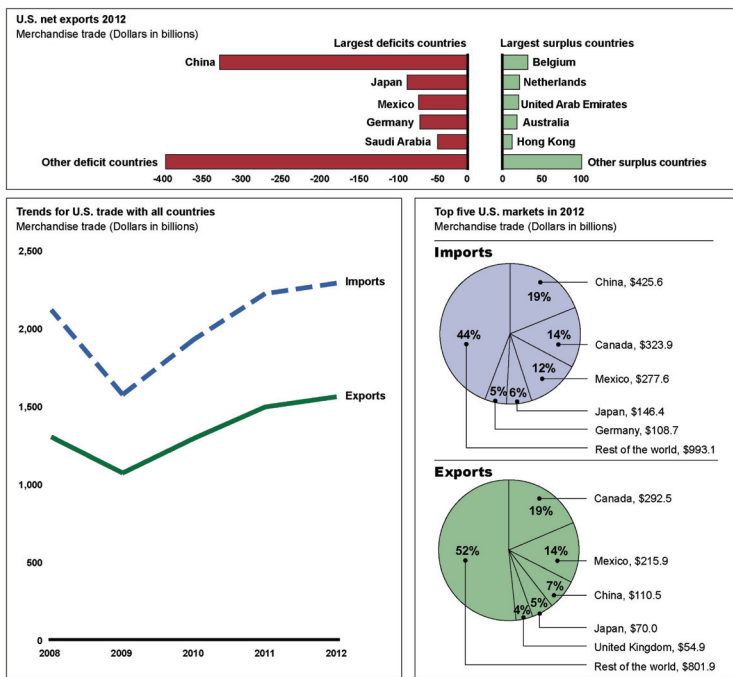
Китай также прекрасно понимает, что цена золота рассчитывается в Нью-Йорке и Лондоне с помощью «бумажного золота», которое не имеет никакого отношения к физическому наличию драгметалла. Если на мировом рынке золота все владельцы «бумажного золота» потребуют поставки им физического металла, то это приведёт к коллапсу, так как все сразу поймут, что 99% мирового золота — это всего лишь фальшивка в виде бумажных обещаний о поставке драгметалла. По оценкам, в мире 30 000 тонн физического золота, из которых в США — 8 тыс., Германии — 3,3 тыс., России — 1,2 тыс.

Если, например, Китай откажется от привязки юаня к доллару, то курс американской валюты может также опуститься на 30%, как это было с евро, и тогда все инвесторы начнут скупать золото и серебро. Но в наличии может не оказаться столько физического металла. И тогда владельцы

«бумажного золота» наконец-то поймут, что они всё это время держали фальшивку, которая ничем не обеспечена, кроме обещания поставить драгметалл по первому требованию. В этот момент на рынке драгоценных металлов могут начаться большие изменения, которые непременно приведут к резкому росту цен на золото и серебро¹².

Очень непростые тенденции наблюдаются в торговом балансе США, где импорт устойчиво превышает экспорт.

Overview of U.S. International Trade

Источник: Serving the Congress and the Nation. Strategic Plan 2014–2019. GAO-14-1SP. P. 153.

¹² Китай владеет ключом к резкому росту цен на золото. 22 января 2015 г. URL : <http://gold.ru/analytics/kitaj-vladeet-kljuchom-k-rezkomu-rostu-cen-na-zoloto.html>

1в) Основные политико-дипломатические и социальные тенденции развития международной обстановки

...переходный период в эволюции международной системы в основном завершился. Биполярность если и сохраняется, то главным образом в остаточных формах, спорадических рецидивах внешнеполитического мышления, всплесках инерционных поведенческих инстинктов¹³.

Авторы Стратегических прогнозов 2030. ИМЭМО РАН

Человек не только субъект истории, но одновременно он выступает ее объектом, продуктом... бытие человека становится историческим, т. е. человек... — в контексте истории...¹⁴

Историческая психология

Важнейшая тенденция, определяющая будущее МО в 2021–2025 годах, а тем более после 2040-х годов, — стремительно растущая роль субъективного фактора — отдельной человеческой личности, а в целом — национального человеческого капитала и его институтов¹⁵. Сказанное означает, что в XXI веке происходит перераспределение влияния целых групп факторов, формирующих международную обстановку в пользу роста значения тех из них, которые так или иначе связаны:

- с человеческим капиталом ЛЧЦ, нации и общества;
- качеством правящей элиты и общества;
- средствами влияния на ЛЧЦ, общество и нацию.

¹³ Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант / под ред. акад. А. А. Дынкина; ИМЭМО РАН. М.: Магистр, 2011. С. 227–228.

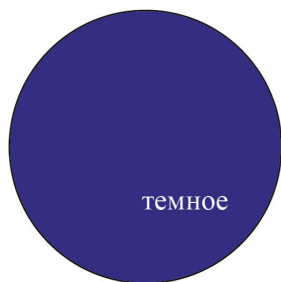
¹⁴ Историческая психология как наука. [Электронный ресурс]. URL : <http://www.bibliotekar.ru/psihologia-2-1/112.htm>

¹⁵ *Подберезкин А. И.* Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. I. М.: МГИМО–Университет, 2012.

Происходящие внешние, формальные изменения в МО, в том числе в соотношении мировых сил, традиционно рассматриваются в качестве основы для их анализа и стратегического прогноза. Они, естественно, продолжают оставаться важнейшим фактором, но в XXI веке не они стали главной особенностью формирования современных и будущих МО, которые во все возрастающей мере становятся зависимыми от социального, в том числе субъективного, фактора. Именно этот субъективный фактор — «казаться важнее, чем быть» — становится доминирующим в МО. И не только в конфликте, как на Украине, где вербальные трактовки США и Киева во все возрастающей степени формируют реальность, но и в научной среде.

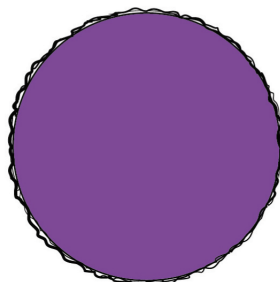
Раньше МО

отражали реальность

Теперь МО

отражали виртуальность

которую трансформируют
в реальность

Соответственно внешняя политика становится не прагматичной, как прежде, а виртуальной. Руководство и МИД работают «на камеру», создавая новую реальность.

В эпиграфе, отражающем взгляд значительной части правящей российской элиты начала XXI столетия, например, очень точно выражена констатация структуры современной МО, а заодно и место в ней России. «Остатки»

биполярности, надо полагать, характеристика не только МО, но и реальной роли США в мире, а «всплески инерционных поведенческих инстинктов» — это ожидаемый отказ со стороны России и других стран согласиться с такой однополярностью. Авторы прогноза — сознательно или нет — вносят свое точное субъективное отношение к реалиям, фактически соглашаясь с «однополярностью» и компенсируя попытки противоборства с ней «рецидивами внешнеполитического мышления». Здесь видна и констатация, и позиция, и прогноз, которые имеют слабое отношение к науке и политике, но очевидную идеологическую ангажированность.

Собственно говоря, главная политико-дипломатическая тенденция и особенность развития МО в первой четверти XXI века и будет заключаться в том, что некоторые ЛЧЦ и нации будут проводить политику «всплесков инерционных поведенческих инстинктов» несогласия с претензиями США на мировое лидерство. Именно она стала характеризовать отношения между ЛЧЦ во втором десятилетии XXI века: однополярность и мировое лидерство США фактически сразу не признали четыре локальные человеческие цивилизации. Не признали, но вели себя в политическом плане совершенно по-разному:

- российская ЛЧЦ публично не признав, на практике выступила против;
- исламская ЛЧЦ заявила о непризнании, в частности, действиями ИГИЛ и терроризмом в западных странах;
- латиноамериканская ЛЧЦ;
- китайская ЛЧЦ.

Международная обстановка (МО) будет во все большей степени формироваться под воздействием новых социально-политических факторов. Речь идет о следующих наиболее важных факторах, влияющих на формирование МО в XXI веке.

Наиболее важные социальные и политические факторы формирования МО в XXI веке

Название	Первый приоритет	Второй и другие приоритеты
1. Идеологические факторы	Социальная справедливость	Борьба с бедностью
2. Организационные факторы	Создание псевдо-государственных роевых структур в качестве «облачного противника»	Коалиционная политика и поиск союзников
3. Подчинение своему влиянию существующих и создание новых международных институтов	Эволюция ООН, ОБСЕ, МВД ВБ в полностью подчиненное положение	Создание новых международных институтов, подчиненных ЛЧЦ
4. Создание институтов управления человеческим сознанием (манипулирования)	Создание новой социальной реальности из виртуальной	Утверждение виртуальной реальности в качестве действительности

Идеологические факторы будут выступать в качестве стимулов для создания новых международных институтов. Это выразится в том, что, во-первых, неизбежно произойдет резкое усиление значения традиционных и появление новых международных социальных институтов. Эти институты во многом смогут взять на себя функции государства (как, например, частные военные компании — ЧВК) или содействовать этим функциям скрыто. В частности, речь идет о: — формальных национальных и международных социальных институтах, (т. е. уже существующих какое-то время вполне легально), не только участвующих в формировании социально-политической системы общества и государства, но и влияющих на формирование МО в регионах и даже на планете. Речь идет, напри-

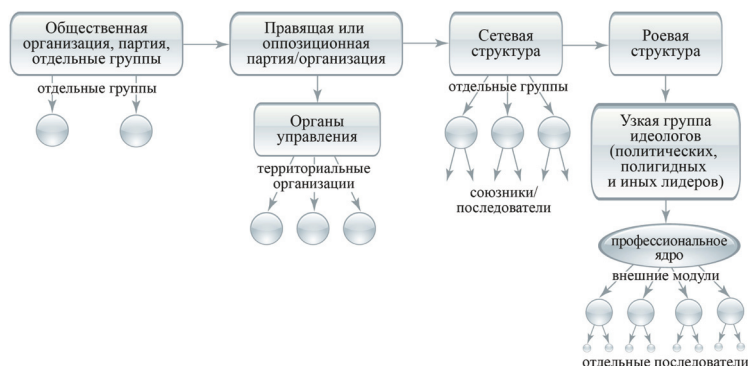
мер, о многочисленных правозащитных, экологических и иных организациях, чье влияние ощутимо возросло еще в конце XX века;

- неформальных социальных институтах, которые создаются и развиваются вне всяких политических, правовых, нравственных и иных рамок. Это могут быть как религиозные, так и культурные и особенно информационные сообщества, например сообщества хакеров или фанатов. На Украине, например, большое значение имеет деятельность «КиберБеркута».

Во-вторых, произойдет резкое усиление идеологических социальных институтов, формирующих идеологию и мировоззрение, а затем превращающих их в политический ресурс. Причем не только как субъектов, обладающих только политико-идеологическим, но и организационным и институциональным, а иногда и военным влиянием. ИГИЛ, «Правый сектор», талибы, «Братья мусульмане» — яркие примеры таких идеологических организаций, которые быстро превратились в политические и военные факторы формирования МО и ВПО. В последние десятилетия мы наблюдали,

Рис. 7

Организационная эволюция идеологических структур в XX и XXI вв.

как происходила стремительная эволюция идеологических структур из общественных организаций в политические партии, сетевые и, наконец, роевые структуры. Модели, которые со временем становились все сложнее, можно представить следующим образом (рис. 7).

В силу целого ряда особенностей в XXI веке особенное значение будет принадлежать роевым структурам. Прежде всего потому, что по этому принципу государство может достаточно быстро и просто создать «облачного противника» для своего противника. Принципиальная схема создания такого влиятельного политического фактора может быть следующей (рис. 8).

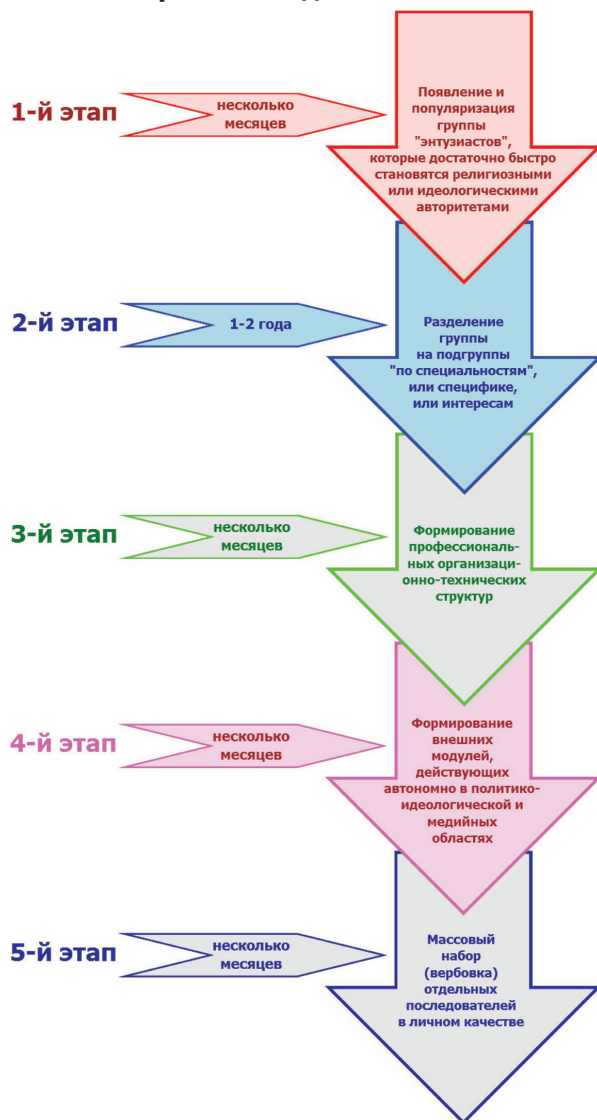
По большому счету, роевые структуры повторяют прежний опыт создания общественных и политических структур, но на более высоком уровне: значительно быстрее, массовее и многофункциональнее. По существу, в конце XIX века в России по аналогичному сценарию была создана РСДРП:

- создание отдельных организаций, кружков и параллельных структур;
- создание территориальных организаций и органов управления;
- поиск союзников и партнеров.

Но эта близость между «моделью РСДРП» и современной роевой моделью кажущаяся — такая же, как схожесть между первым паровым автомобилем и современным гибридом класса «люкс». Только на развитом, окончательном этапе, превратившись в правящую партию, РСДРП стала обладать возможностями государственных институтов. Не только идеологическими, но и финансовыми, и военными.

Нетрудно увидеть, что аналогов современным роевым структурам не существует. «Структура ИГИЛ, например, сама по себе является мощным и действенным организационным оружием, направленным против неповоротливых, бюрократизированных и в той или иной степени коррумпированных

Рис. 8. Принципиальная схема создания «облачного противника» по роевой модели

политических режимов стран Ближнего и Среднего Востока», — справедливо отмечает Е. Ларина.

Вряд ли случайно, что впервые подобная структура была описана в работе Брюса Хоффмана из корпорации «RAND» «Военная исламистская угроза и эволюция Аль-Каиды». Работа была опубликована в 2006 г., а в 2009 г. ведущий американский теоретик и практик в сфере специальных операций и контртерроризма отставной офицер армии США профессор Клинт Вуудс опубликовал книгу, углубляющую идеи Б. Хоффмана относительно самоорганизующихся роевых структур. Вуудс сделал предположение, что в ближайшем будущем произойдет отход от иерархических и сетевых структур террористических организаций в пользу более сложных роевых образований. Роевые структуры, по мнению Вуудса, должны включать в себя: узкую взаимозаменяемую, в большинстве случаев непубличную группу религиозных, военных и гражданских руководителей; высокоподготовленное профессиональное ядро; внешние периферийные модули — военные и террористические группы, своего рода расходный материал; разветвленную сеть союзников, сторонников; и, наконец, формально не скрепленный никакими связями с организацией рой последователей¹⁶.

Показателен в этой связи пример с влиянием ИГИЛ. Как отмечают исследователи МГИМО, «деструктивным внешним фактором, влияние которого может начать распространяться и на Афганистан, усугубляя тем самым внутреннюю обстановку в пользу вооруженных оппонентов правительства, в последнее время становятся не только отголоски „арабской весны“ на Ближнем Востоке, но и активность „Исламского государства Ирака и Леванта“ (ИГИЛ). По своей сути его идеология и методы достижения целей, тактика практичес-

¹⁶ Ларина Е. Инженеры хаоса: почему теракт в Париже совершили агенты спецслужб [Электронный ресурс]. URL : <http://topwar.ru/> (дата обращения: 17 января 2015 г.).

ких действий, фанатизм, агрессивность и непримиримость функционеров и боевиков в значительной степени напоминают деятельность талибов во второй половине 1990-х годов. Такое сходство может стать основой для практической координации их действий, причем не только в Афганистане (где наибольшие опасения пока вызывают северные районы), но и в сопредельных ареалах Центральной и Южной Азии, а также Северо-Западного Китая, на Кавказе и т. д. При этом, по мнению ряда экспертов, до 10 процентов боевиков ИГИЛ являются выходцами из российского Северного Кавказа; в их рядах действуют также отдельные лица из Ханты-Мансийского округа, Новосибирска, Поволжья и т. д. Открытого проникновения моджахедов ИГИЛ на афганскую территорию пока не наблюдалось. Однако в ряде анклавов страны, в том числе в северных, стала появляться их религиозно-пропагандистская литература, а пакистанское крыло талибов уже открыто провозгласило себя союзниками „Исламского государства“¹⁷.

«Этот рой состоит из единичных приверженцев того или иного духовного авторитета, террористического движения и т. п. и имеет свойство нарастать подобно снежной лавине. Его участники должны быть способны действовать абсолютно автономно и самостоятельно по сигналу духовного лидера или неизвестных военных командиров. Кстати, есть основания подозревать, что за французскими терактами стоит роевая структура»¹⁸.

Создание из роя «облачного противника» означает, что противостоящее государство борется с противником, не зная

¹⁷ *Конаровский М.А.* Состояние и перспективы развития военно-политической обстановки в Афганистане в свете завершения миссии Международных сил содействия безопасности: аналитическая записка. М. : МГИМО–Университет, 2014. С. 3.

¹⁸ *Ларина Е.* Инженеры хаоса: почему теракт в Париже совершили агенты спецслужб [Электронный ресурс]. URL : <http://topwar.ru/> (дата обращения: 17 января 2015 г.).

его возможностей, подлинных целей, способов борьбы и много-
другого. Рой не ограничен в выборе таких средств и способов.

Другая важнейшая политико-дипломатическая тенденция XXI века — создание международных широких коалиций на базе отдельных локальных человеческих цивилизаций не только для решения частных, пусть и важных задач (как это было, например, в Афганистане), но и постоянно используемых в борьбе с другими ЛЧЦ.

1г) Основные военно-политические особенности развития международной обстановки¹⁹

Следующий крупный конфликт начнется в киберпространстве²⁰.
Из документа АНБ США

«Критическая масса» РФ невелика — примерно 2% населения и 3% глобального ВВП. В случае евразийской интеграции эта доля вырастет, но все же будет значительно уступать мировым гигантам. Геополитическое и геоэкономическое одиночество в новой системе международных отношений таит большие риски²¹.
С. Рогов, директор Института США и Канады РАН

Военно-политические тенденции и факторы играют очень важную, а иногда и решающую роль в формиро-

¹⁹ Подберезкин А.И., Мунтян М.А., Харкевич М.В. Долгосрочное прогнозирование сценариев развития военно-политической обстановки: аналит. доклад. М.: МГИМО—Университет, 2014.

²⁰ Черненко Е. Эдвард Сноуден дошел до второй стадии // Коммерсант. 2015. 19 января. С. 1.

²¹ Рогов С. Доктрина Обамы. Властелин двух колец // Российская газета. 2013. 17 апреля.

вании международной обстановки (МО) как на среднесрочную, так и на долгосрочную перспективу. В данном разделе мы можем сделать лишь самые общие замечания. Более того, учитывая непроработанность темы, они будут еще и очень субъективными. Важно, однако, подчеркнуть следующее.

Во-первых, помимо военно-политических тенденций и факторов, существуют и другие влиятельные тенденции и факторы, определяющие характер МО и влияющие косвенно на собственно военно-политические тенденции. Так, демографическая обстановка в той или иной стране определенно влияет на мобилизационные возможности государства. В еще большей степени на личный состав ВС влияет качество национального человеческого капитала (НЧК), а на эффективность вооружений и военной техники (ВиВТ) — уровень развития гражданских технологий и т. д. Другими словами, «в чистом» виде военно-политические тенденции и факторы не существуют. Их необходимо прогнозировать в комплексе с другими факторами государственной мощи. Даже когда речь идет только о танках, самолетах, орудиях и т. п.

Во-вторых, собственно военно-политические факторы влияют тем сильнее и определеннее, чем они ближе к конкретному историческому событию, например военному конфликту или войне. В силу динамичного характера этих факторов они могут меняться быстрее, чем другие. Так, например, объем ВВП за 5 лет радикально изменить невозможно, но объем военных отраслей — задача вполне реальная. В СССР, например, за 1944–1949 годы была создана целая новая отрасль — атомная промышленность, которая включала в себя целую группу новых подотраслей. Поэтому влияние военно-политических и военно-технических факторов в среднесрочной перспективе значительно сильнее, чем в долгосрочной.

Простейшая матрица, отображающая только основные факторы, формирующие военно-политическую обстановку (ВПО) в мире, может быть представлена, например, следующим образом (рис. 9).

Рис. 9. Матрица факторов, влияющих на формирование ВПО в мире в конкретный период времени (2015 г.)

Область формирования МО и ВПО	Факторы влияния			
	Государственные субъекты МО	Негосударственные акторы	Глобальные тенденции мирового развития	Отношения между субъектами и факторами
Политические отношения				
Экономические отношения				
Военные отношения				
Торговые отношения				
Финансовые отношения				
Гуманитарные отношения				
«Доля» ВПО в отношениях при формировании МО				

Из матрицы видно, например, что «доля» ВПО при формировании МО может быть небольшой (или не быть вообще) либо значительной. Так, состояние ВПО на Ближнем Востоке во многом определяется МО, а именно уровнем политических, экономических и военных отношений, с одной стороны, России с Сирией и Египтом, а с другой — США с Турцией и Израилем. В любом случае ясно, что:

- во-первых, сценарии развития МО и их варианты во многом определяют сценарии и варианты развития ВПО. Это означает, что при негативном сценарии

развития МО не может быть в принципе позитивного сценария развития ВПО. Он может быть либо кризисный, либо враждебный;

- во-вторых, сами по себе сценарии развития ВПО зависят как от общего состояния международной обстановки (МО), так и основных факторов, определяющих эту обстановку: политических, экономических, дипломатических и пр. Это означает, что уровень и качество развития невоенных областей МО во многом влияют на военные области. И наоборот: военные области могут оказывать позитивное влияние на другие области развития МО. Например, военно-техническое сотрудничество (ВТС), безусловно, укрепляет доверие;
- в-третьих, анализ и прогноз ВПО носит сугубо конкретный (временной, военно-технический, экономический и финансовый) характер и не может быть универсальным. Это означает, что не существует абстрактного сценария развития ВПО, применимого к 2015, 2030 или 2050 годом или характеризующего не только одну, но несколько стран и т. д.;
- в-четвертых, экстраполяция существующего сценария развития ВПО на долгосрочную перспективу может быть очень ограничена в силу огромного числа факторов влияния вообще и переменных величин таких факторов в частности. Поэтому большинство прогнозов строятся на двух составляющих: во-первых, прогнозах развития ВиВТ и, во-вторых, анализа существующего военного искусства. Представьте себе прогноз на 20 лет развития ВиВТ, сделанный в 1920 году: куча бронепоездов и тачанок, объединенных в конные армии.

Тем не менее вывод о возможности и необходимости анализа существующих и прогноза будущих сценариев и вариантов развития ВПО не просто подтверждается, но и усиливает свое значение в условиях качественных перемен,

происходящих в ВПО в мире и отдельных регионах во втором десятилетии XXI века, если принимать во внимание не только военные факторы.

Очевидное усиление негативных тенденций в сценариях развития ВПО требует адекватной военно-технической реакции со стороны России, что совершенно понятно, естественно и необходимо. Любые усилия в этом направлении (даже если они дают незначительный видимый результат) представляются не просто желательными, но и обязательными.

Основу таких усилий может составить поиск общецивилизационных интересов (потребностей) народов Евразии вообще и Европы в частности. На базе таких общих интересов возможно и необходимо создание новых и активизация существующих механизмов обеспечения безопасности при том понимании, что не должно быть иллюзий: США и ряд их союзников вполне удовлетворены имеющимся механизмом НАТО²². Других механизмов безопасности им не надо. Более того, они будут препятствовать их созданию. Так, если в Европе после самоликвидации ОВД осталась одна военно-политическая коалиция — НАТО, а ОБСЕ фактически атрофировался, то любая идея создания формализованного блока — ОДКБ, «нормандской четверки», «общеевропейской системы безопасности» и т. п. — будет восприниматься как альтернативная блоку НАТО. За исключением, пожалуй, внутрирегиональных натовских субъобъединений по типу «северной» пятерки и т. п.

Надо отчетливо понимать, что негативные сценарии развития ВПО набирают силу, поэтому любые политические или дипломатические усилия, направленные против этого процесса, имеют огромное значение.

²² Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 1. Роль идеологии в модернизации России. М., 2012.

Поэтому, учитывая особое значение политических и международных факторов МО на формирование ВПО, важно чтобы эти и иные аспекты, влияющие на собственно военные факторы не недооценивались. Так, если вернуться к опыту послевоенной Европы в условиях холодной войны, можно признать, что:

- в 1975 году, когда состоялось Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, вопросы безопасности и политики были «уравновешены» вопросами гуманитарного сотрудничества. Фактически произошел неравноценный размен: «Запад признал принцип нерушимости границ, а СССР — концепцию „прав человека“», которая в конечном счете и стала миной, заложенной под ОВД;
- в эти же 1970-е годы был выдвинут комплекс «общечеловеческих» (гуманитарных, экологических, биологических и пр.) проблем, которые стали общей основой для политической и общественной дискуссии не только в мировоззренческом, но и в политическом плане. В XXI веке таких проблем и степень их понимания стало не меньше, но использоваться в целях безопасности они стали значительно реже;
- в 1970-е годы стал актуальным тезис о пространственном измерении Европы «от Лиссабона до Владивостока». В ходе конфликта на Украине стало окончательно ясно, что раздел России на «Европу» и «Азию» стал политической целью США. Надо понимать, что раздел Европы на «Европу» и «Россию» не выгоден Российской Федерации ни как государству, ни как нации, но этот раздел очень выгоден США и Великобритании, которые фактически разделили Россию на Европу и Азию. В XXI веке очевидно можно потребовать расширения пространства Европы уже до пространства Евразии. Этот аргумент сам по себе уравнивает позиции США и стран ЕС участием быстро развивающихся стран Азии.

При этом расширение «пространства безопасности» на другие регионы Евразии и мира отнюдь не ограничивается сушей: в XXI веке отчетливо просматривается тенденция распространения пространственных характеристик ВПО на Арктику, океанские акватории, космическое пространство. Очевидно, что уже к 2030 году любой сценарий развития ВПО будет предполагать глобальный пространственный охват. Поэтому чем шире будет политический аспект «пространства безопасности» для России, тем это будет лучше.

Наконец, очень важно понимать, что любой сценарий развития ВПО предполагает в последующем многовариантность и возможность реализации самых неожиданных вариантов. Это положение можно продемонстрировать упрощенно на следующем рисунке (рис. 10).

Рис. 10

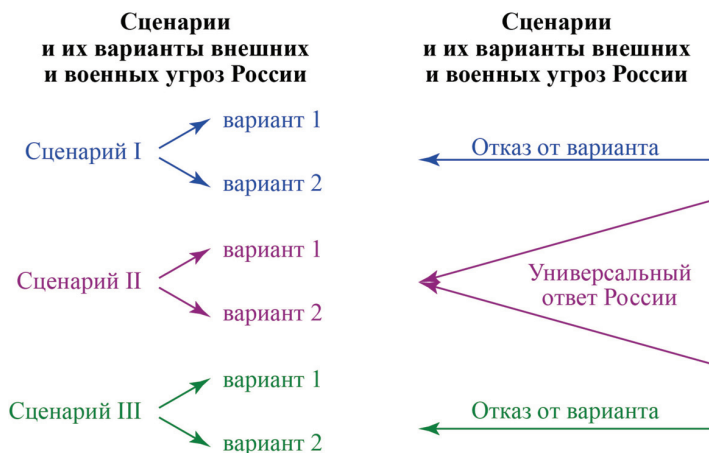

Иными словами, в 2015 году мы не можем ограничиться прогнозированием (даже на краткосрочную перспективу) лишь одного-двух вариантов одного и того же сценария развития ВПО. Можно говорить лишь о наиболее вероятных сценариях развития ВПО и их вариантах, которые должны конкретизироваться в зависимости от точного числа участников, времени, политической обстановки и других, в т. ч. субъективных, факторов (отношений лидеров, готовности идти на риск и т. п.). Что на самом

деле не так уж и мало. Количество этих сценариев и их вариантов ограничено.

В этой связи особое значение приобретает анализ и прогноз ответных действий и реакций на будущие внешние и внутренние угрозы прежде всего с точки зрения минимизации рисков. Это означает, что мы должны быть готовы к ответной и несимметричной реакции на максимально большое число сценариев развития ВПО и их вариантов, разрабатывая наиболее адекватные универсальные средства и способы, т. к. национальных ресурсов для ответа на все варианты всех сценариев ВПО не хватит. Так, совершенно очевидно, что невозможно для России в одиночку участвовать в войне на всех удаленных ТВД или готовиться к войне со всеми странами — членами НАТО и их союзниками, полагаясь только на обычные вооружения на европейском ТВД.

Рис. 11

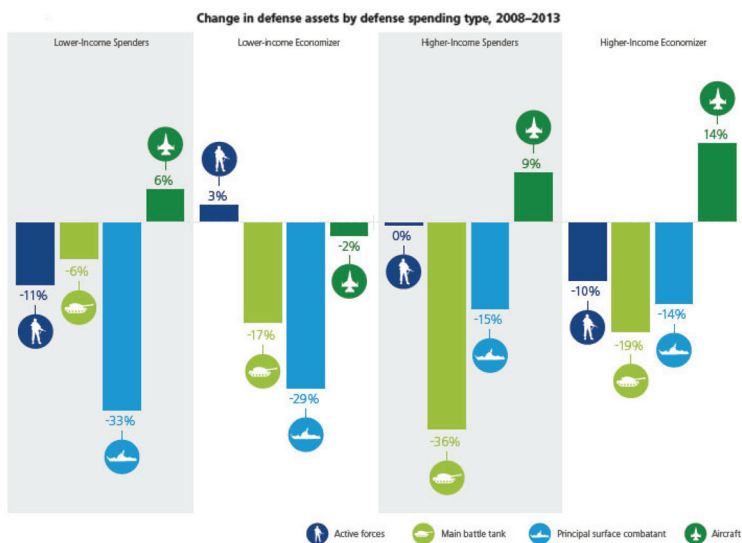
Выбор такой стратегии реагирования крайне важен, ибо позволяет концентрировать национальные ресурсы на самых важных направлениях военного строительства. Представляется, что в 2015 году таковыми являются:

- воздушно-космическая оборона (ВКО);
- стратегические наступательные вооружения (СНВ);
- относительно ограниченные мобильные сухопутные силы и силы специального назначения.

Выбор в пользу чего-то всегда означает отказ. В данном случае это означает:

- сохранение умеренных сухопутных сил;
- ограниченных МВФ;
- ограниченных средств фронтовой авиации.

Рис. 12

Источник: Global Defense Outlook 2014. Adapt, collaborate, and invest. P. 19.

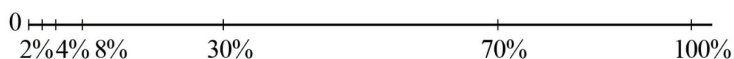
Рис. 12, кстати, иллюстрирует, куда тратят деньги в приоритетном порядке наиболее развитые и отстающие страны.

Ресурсные ограничения — чрезвычайно важный фактор при оценке военных угроз. Их спектр может быть чрезвычайно широк. Можно попытаться представить его на некой

шкале от 0 до 100, где 0, естественно, никогда не будет потому, что затрат на оборону без ресурсов не бывает, а 100 — это абсолютная милитаризация страны, что также недостижимо. В самые трудные военные годы милитаризация экономики и социальной жизни «не превышала 70% и называлась «тотальной». Условно эту шкалу можно отобразить следующим образом.

Рис. 13

Условная шкала милитаризации страны (использования национальных ресурсов для нужд обороны)

- до 2% — минимальные расходы на оборону;
- до 4% — незначительные (стандартные) расходы на оборону;
- свыше 30% — мобилизационная экономика (по аналогии с СССР в конце 30-х годов);
- 70% «тотальная» мобилизация.

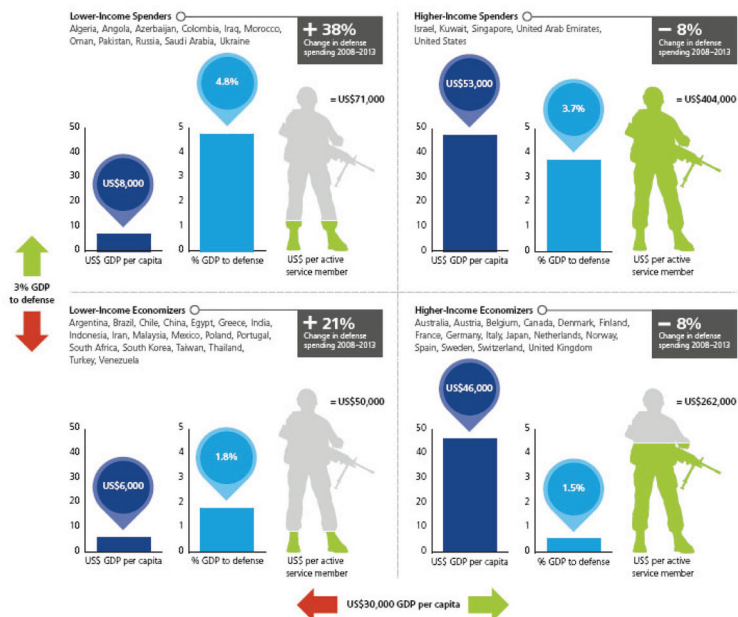
Так, 29 из 50 ведущих стран увеличили свои военные расходы в 2008–2014 годы, а 21 — сократили²³. Распределение происходит крайне неравномерно среди различных стран, что хорошо видно на следующем рисунке (рис. 14).

Таким образом, на основные военно-политические особенности развития международной обстановки влияет огромное число внешних и внутренних факторов, которые, однако, можно не только выделить, но и учитывать, более того, — прогнозировать.

Общие условия и принципы анализа и долгосрочного прогноза развития сценариев ВПО должны включать достаточно значимые ограничения, включая ресурсные, быть

²³ Global Defense Outlook 2014. Adapt, collaborate, and invest. P. 6.

Рис. 14

Источник: Global Defense Outlook 2014. Adapt, collaborate, and invest. P. 7.

«привязаны» максимально к конкретным социально-политическим, научно-техническим, экономическим и геополитическим реалиям, которые минимизировали бы их абстрактность до прикладного практического уровня.

1д) Основные научные и технологические черты развития международной обстановки в XXI веке

Министерство (обороны США. — *Авт.*)
будет всесторонне планировать варианты комплексных ударов различными неядерными средствами... и предлагать средства, которые обеспечат достижение требуемых целей и результатов²⁴.
Доклад о стратегии использования ядерного оружия США

...производство оружия и военных технологий сегодня неразрывно связано с наукой...²⁵
Я. Новиков,
генеральный директор
ОАО Концерн ПВО «Алмаз-Антей»

В среднесрочной перспективе влияние тенденций в науке и технологиях на сценарии развития ЛЧЦ и МО будет стремительно усиливаться даже по сравнению с началом XXI века, но не приведет еще к смене парадигм. Это связано с продолжением перехода локальных человеческих цивилизаций на новый технологический уклад, который будет происходить не одновременно и не везде, а в каждой ЛЧЦ по-разному.

²⁴ Доклад о стратегии использования ядерного оружия Соединенными Штатами Америки. Направлен в конгресс правительством США в соответствии с положением раздела 491 тома 10 Свода законов США 12 июня 2013 г. С. 9 [Электронный ресурс]. URL : http://www.defense.gov/pubs/ReporttoCongressonUSNuclearEmploymentStrategy_Section491.pdf

²⁵ *Новиков Я. В.* Вступительное слово // Подберезкин А. И., Мунтян М. А., Харкевич М. В. Долгосрочное прогнозирование сценариев развития военно-политической обстановки: аналит. доклад. М. : МГИМО–Университет, 2014. С. 5.

Развитие новых технологических укладов в XXI веке (% национальных экономик)

	2015 г.	2025 г.	2045 г.	Смена парадигмы
США	6–8%	20%	70%	
Россия	0,5%	1–2%	3%	
КНР	3%	30%	80%	
страны ЕС	5%	15%	60%	
другие	0–5%	–30%	0–70%	

- Из примера видно, что новый технологический уклад:
- во-первых, уже зародился в ряде развитых экономик в отдельных отраслях;
 - во-вторых, будет развиваться неравномерно, определяя в реальности место и значение той или иной ЛЧЦ или страны;
 - в-третьих, станет преобладающим в долгосрочной и решающим уже в среднесрочной перспективах.

Крайне неравномерное развитие нового уклада в еще большей степени, чем изменение в ВВП, определяет неравенство мировых сил. Причем «старт» уже дан. Если в США, например, этот переход уже начался, то в России еще не произошло полного перехода даже к предыдущему технологическому укладу. Существующий разрыв в технологиях и их синтезе чрезвычайно опасен потому, что он «расставляет» страны по экономическому рангу и их возможностям, но ещё и потому, что США делают свою основную геополитическую ставку именно на увеличение этого технологического разрыва.

России предстоит не просто повторная индустриализация, связанная не только с восстановлением разрушенной в 90-е годы промышленностью, но и быстрым преодолением предыдущего информационного технологического уклада.

Причем делать придется это не последовательно, как в других странах, а параллельно. И не за несколько десятилетий, а за одно десятилетие. Вместе с тем возможно и своеобразное «перескакивание через этапы» в развитии.

Ожидаются неизбежные «технологические прорывы», которые приведут к качественным изменениям в экономике, социальной сфере, политике, и других областях деятельности наций.

Такие «технологические прорывы» в военной и гражданской областях искусственно создаются для обеспечения технологического и военно-технического лидерства западной ЛЧЦ. В докладе о перспективах таких «прорывов» военно-научного комитета министерства обороны США говорится прямо: «Преимущества, обеспеченные нашим лидерством в таких возможностях, как GPS, интернет-коммуникации, космическое оповещение и технологии „невидимок“, будут сокращаться и во многих случаях ликвидированы. Для сохранения превосходства в военной области будет необходимо разработать новые технологии, тактику и процедуры, которые... компенсируют наше предыдущее превосходство, существовавшее два десятилетия»²⁶. Эксперты полагают, что «...к 2020–2025 гг. следует ожидать очередную военно-технологическую микрореволюцию в военном деле. Поэтому сегодня мы весьма туманно можем представить себе будущую технологическую базу войны...»²⁷.

Очевидно, что роль прогноза в этой области решающая. Именно она создает условия для стратегического целеполагания и планирования, которые в конечном счете ведут к изменению всего будущего.

²⁶ Technology and Innovation Enablers for Superiority in 2030 // Report of the Defense Science Board. September 19, 2013 / Office of the Secretary of Defense. Wash., DC 20301–3140. P.VIII.

²⁷ Аладьин В., Ковалев В., Малков С. Пределы сокращения / отв. ред. О. А. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2013. С. 71.

1е) Взаимосвязь тенденций развития международной и военно-политической обстановки²⁸

...нужно достоверно и полноценно просчитать потенциальные угрозы военной безопасности.

На каждую из них должен быть найден достаточный адекватный ответ²⁹.

В. Путин, президент России

«Евразийская» идея порочна прежде всего потому, что создает иллюзию полезности «контроля» над большими сухопутными территориями³⁰.

В. Иноземцев, политолог

Одна из серьезных переменных величин, влияющих на развитие различных, порой противоположных сценариев международной обстановки (МО), — развитие собственно сценариев военно-политической обстановки (ВПО). С одной стороны, как уже не раз говорилось³¹, сценарии ВПО являются следствием, продолжением сценариев развития МО, более того, предопределены их развитием. С другой стороны, сама логика развития того или иного сценария ВПО начинает влиять на формирование МО. И это влияние нельзя игнорировать, более того, при анализе МО его следует учитывать. На известной логической схеме это выглядит следующим образом (рис. 15).

²⁸ Подберезкин А.И. Сборник сокращений по международной, политической, социально-экономической и военно-политической тематике. М. : МГИМО–Университет, 2013.

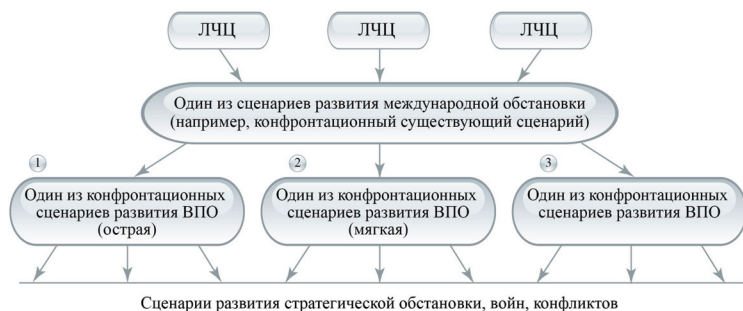
²⁹ Латухина К. Просчитать угрозы // Российская газета. 2014. 11 сентября. С. 2.

³⁰ Иноземцев В. Не потеряться во времени // Литературная газета. 2014. № 36 (6478). С. 9.

³¹ Подберезкин А.И. Военные угрозы России. М. : МГИМО–Университет, 2014.

Рис. 15

Логическая схема взаимовлияния сценариев развития МО и ВПО

Проблема, однако, заключается в том, что один (и именно действующий) сценарий развития ВПО начинает влиять сильнее или даже очень сильно на действующий сценарий МО, задавая ему свою «логику войны». На рисунке показан, например, сценарий № 1 («острая конфронтация»), который формирует свои особенности развития сценария МО. В МГИМО и РСМД, например, были рассмотрены несколько сценариев развития ВПО в Центральной Азии после вывода войск коалиции из Афганистана в 2014–2024 годы. Каждый из них так или иначе оказывал влияние на все сценарии развития МО в ЦА, в частности:

- сценарий № 1. «Огнедышащий дракон»: усиление Китая;
- сценарий № 2. «Стратегия анаконды»: Запад сдерживает Китай;
- сценарий № 3. «Зеленый полумесяц над Центральной Азией».

Иными словами, каждая ЛЧЦ становилась доминирующей в одном из сценариев развития МО в зависимости от последствий развития того или иного сценария ВПО³².

³² Сценарный прогноз развития ситуации в Центральной Азии после вывода коалиционных войск из Афганистана 2014–2024 гг. // РСМД. 2013. 23 мая [Электронный ресурс]. URL : <http://ncouncil.ru/inner/>

В этой и предыдущих работах проблема взаимосвязи развития сценариев МО и ВПО уже не раз справедливо поднималась и описывалась достаточно подробно³³. В данном разделе необходимо обратить внимание на то, что рассматриваемые конкретные сценарии развития ВПО и их варианты основываются (теоретически и методологически) на этой взаимосвязи и непосредственно вытекают друг из друга. Это означает, что существующие и будущие конкретные сценарии и те варианты развития ВПО являются логическим следствием развития соответствующих конкретных сценариев МО, их естественной, составной частью, а также следствием развития одного из сценариев человеческой цивилизации. Это очень наглядно видно на примере военного конфликта на Украине, когда все страны — члены НАТО активно выступили политически сообща (хотя с военно-технической точки зрения заметных усилий и не произошло)³⁴.

Это означает, что анализ существующих сценариев развития ВПО в мире и их прогноз на период до 2030 и 2050 годов в силу их огромного количества необходимой и выделения из их числа наиболее вероятных вариантов изначально предполагают попытку систематизации таких сценариев (по аналогии с систематизацией по группам и подгруппам сценариев МО). Без такой систематизации и логической привязки количество сценариев и их вариантов становится неограниченным, а значит, бессмысленным с точки зрения анализа и прогноза.

Кроме того, как уже говорилось выше, необходимо выделить условия и принципы, в соответствии с которыми выдвигаются эти сценарии, делающие их более конкретными и практическими, т. е. более вероятными.

³³ Подберезкин А. И. Военные угрозы России.

³⁴ 2015 Global Forecast. Crisis and Opportunity // CSIS. 2014. P. 46.

Такой анализ и прогноз, таким образом, предполагает логическую привязку существующих и будущих сценариев развития ВПО к уже существующим и прогнозным сценариям развития международной обстановки (МО) и сценариям развития человеческой цивилизации (ЧЦ)³⁵. Надо отчетливо понимать, что не только развитие сценариев ВПО и стратегической обстановки (СО), но и вся военная политика государства формируется под прямым, непосредственным и сильным влиянием развития конкретных сценариев МО, которые формируют такие же конкретные внешне-политические, военные, экономические и иные условия существования государств и еще более конкретные внешние и военные угрозы³⁶.

Так, например, развитие ВПО на Украине и в Европе зависит от многих политических, финансовых, экономических и иных факторов, которые необходимо учитывать при формировании собственно военной политики, в частности, ее продовольственной зависимости от Запада, сложившейся в 80-е и 90-е годы XX века. «Обмен санкциями», как политический инструмент, в данном случае должен учитывать эти реалии, хорошо отображенные на инфографике РБК (рис. 16).

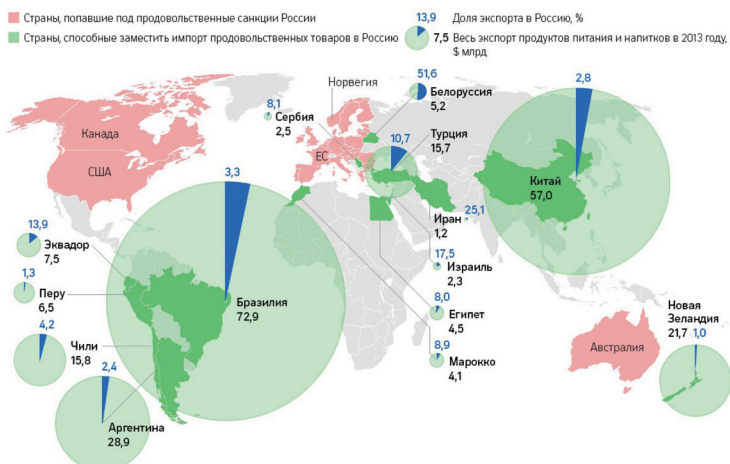
И наоборот: конкретные военные и военно-политические условия формирования сценария ВПО могут оказать и часто оказывают обратное влияние на развитие сценария МО. Так, безусловные военные успехи ополченцев на Украине весной–летом 2014 года вынудили Киев и его союзников пойти на переговоры с представителями Новороссии, заключить перемирие и смягчить набирающую темпы опасную эскалацию развития сценария МО в кризисном направлении. При этом надо понимать, что влияние процессов, происходящих в развитии сценариев ЧЦ и МО, более глубоко и фундамен-

³⁵ Подберезкин А. И. Стратегия для будущего президента России: русский путь / ВОГПД «Духовное наследие». М., 2000.

³⁶ См. подробнее: Подберезкин А. И. Военные угрозы России.

Рис. 16

■ Какие страны помогут России справиться с последствиями продовольственных санкций

©РБК, 13.08.2014

Инфографика: Виктория Сункина, Олеся Волкова Данные: International Trade Centre, расчеты РБК

Источник: Сункина Виктория, Волкова Олеся. Данные International Trade Centre. Расчеты РБК // РБК. 2014. 13 августа.

тально, чем в сценариях развития ВПО и СО. Случаи, когда изменения в сценариях развития ВПО радикально влияли на сценарии МО, в истории есть, но они немногочисленны. Так, Карл XII быстрым нападением и разгромом датчан вывел Данию из военно-политической коалиции России, Польши и Дании против Швеции. Такую же попытку попытался осуществить А. Гитлер, освободив из заключения Муссолини. Но, надо признать, что эти немногочисленные примеры в конечном счете все равно подтверждают общее правило: развитие сценариев ВПО следует из развития сценариев МО.

Надо признать, что специфические события и тенденции в развитии того или иного сценария ВПО оказывают частные,

иногда значимые воздействия на события и тенденции в сценариях развития МО. В частности, война на Украине стала поводом для введения санкций против России, касающихся разработки месторождений нефти и газа в Арктике³⁷, ограничений в добыче сланцевой нефти и газа, а в перспективе ее политики в Антарктике и других регионах. Это влияние иногда не очень заметно (как в отношениях с Японией), иногда только символично (как в отношениях с Индией), а иногда неожиданно сильно (как в отношениях с Австралией). Поэтому такой «военно-политический реверс» должен внимательно отслеживаться, особенно в тех случаях, когда он неожиданно может привести к неприятным последствиям.

Конкретные сценарии развития ВПО, вытекающие даже из одного сценария развития МО, неизбежно будут отличаться друг от друга: даже если события развиваются в одно и то же время и в одном и том же месте, конкретные военно-политические условия могут быть (и будут) разными в силу того, что они зависят от множества субъективных факторов, часть из которых была неизвестна и не учитывалась, а часть — только что появилась³⁸. Поэтому нельзя просто экстраполировать сценарий развития МО на сценарий ВПО. Они могут отличаться, в т. ч. и серьезно, в ту или иную сторону.

В качестве примера можно использовать сценарий развития ВПО, сложившийся в Новороссии в сентябре 2014 года после инициатив В. Путина и П. Порошенко о прекращении огня, когда дальнейшее развитие событий могло развиваться как минимум по трем сценариям³⁹. Так, сценарий № 1,

³⁷ Башкатова А., Сергеев М. Запад перекрывает России доступ к Арктике // Независимая газета. 2014. 12 сентября. С. 1–2.

³⁸ Подберезкин А.И. Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития. М.: МГИМО–Университет, 2014.

³⁹ Эта логика была описана И. Поповым и М. Хамзатовым не раз в их работах, которые использовал автор. См., например: Подберезкин А.И. Военно-политические аспекты прогнозирования. М.: МГИМО–Университет, 2014. С. 28.

который привел в целом к прекращению огня, мог бы «заморозить» конфликт на неопределенную перспективу, а сценарий № 2 — привести к устойчивому миру. Вместе с тем сценарий № 1 может развиваться и превратиться со временем в сценарий войны, вытеснив не состоявшийся в сентябре сценарий войны № 3.

Как видно, все эти потенциально возможные и даже вероятные сценарии ВПО существуют в рамках одного сценария развития МО, который был описан выше как «сценарий войны чужими руками». Его реализация, судя по всему, была в сентябре 2014 (конкретное время) скорректирована событиями в Сирии и Ираке (конкретными событиями в конкретном месте), а именно: бомбардировками США исламских радикалов.

Таким образом, развитие конкретных вариантов конкретных сценариев ВПО происходит под влиянием самых

Рис. 17

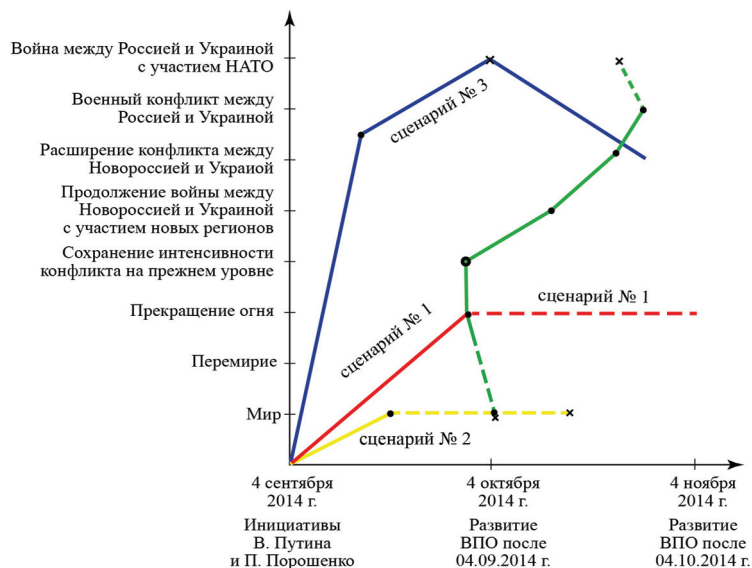
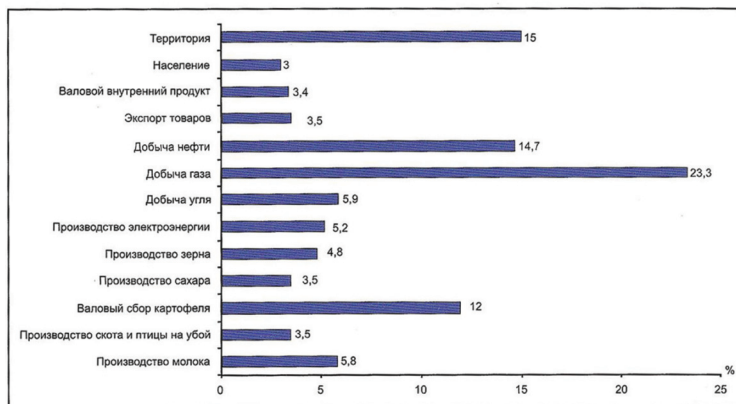

Рис. 18⁴⁰

Доля ЕврАзЭС в мировых показателях в 2013 г.
(в % к итогу)

разных внешних и внутренних факторов внутри одного сценария развития МО или даже одного из вариантов такого сценария. Это означает, что прогнозировать точно развитие того или иного сценария ВПО невозможно даже в рамках одного из сценариев развития МО. По сути дела, украинские сценарии и их варианты развития ВПО в августе–сентябре подтверждают этот вывод. Как средства, так и способы ведения вооруженной борьбы при всех сценариях оставались одни и те же: преимущественно артиллерийские системы, стрелковое оружие и бронетехника. Действия авиации и флота по понятным причинам фактически отсутствовали.

Основные военно-политические тенденции, которые можно прогнозировать в среднесрочной перспективе до 2021–2024 годов и даже далее, позволяют предположить следующее:

⁴⁰ Мансуров Т. ЕврАзЭС: от интеграционного сотрудничества к Евразийскому экономическому союзу // Международная жизнь. 2014. № 14. С. 23.

1. Формирование вокруг ЛЧЦ и быстро растущих центров силы военно-политических коалиций, которые могут объединяться в относительно устойчивые конгломерации, например:
 - США — Западная Европа — ряд стран Персидского залива — некоторые страны Юго-Восточной Азии и АТР;
 - Бразилия — Мексика — Венесуэла — некоторые страны Латинской Америки;
 - Вьетнам и некоторые страны Юго-Восточной Азии;
 - Россия — ЕврАзЭС — некоторые страны Европы, Азии и даже Африки.

При этом цивилизационное значение имеет огромное влияние на будущие интеграционные процессы. Как подчеркивают некоторые авторы, «...народы Евразии уже объединялись четыре раза. Самыми первыми объединителями евразийских народов были гунны. Затем континент был объединен в рамках Тюркского каганата. В XIII веке территорию Евразии объединили монголы под предводительством Чингисхана. Четвертая попытка — образование Российской империи и СССР»⁴¹.

2. Создание широких коалиций и нескольких ЛЧЦ по аналогии с БРИКС.
3. Превращение внешней и военной политики государств и ЛЧЦ в единую сетецентрическую стратегию.

⁴¹ Мансуров Т. ЕврАзЭС: от интеграционного сотрудничества к Евразийскому экономическому союзу // Международная жизнь. 2014. № 14. С. 23.

1ж) Совмещение тенденций мирового развития в XXI веке

...главным вопросом в определении общей политики ЕС в мировых делах является проблема сочетания задачи выработки единого подхода, с одной стороны, а с другой — позиций и амбиций отдельных государств-членов...⁴²

В. Мизин, исследователь МГИМО(У)

Заранее понимая, в каком направлении и в какой динамике будет меняться та или иная ситуация, можно предупредить многие вызовы, а также избежать ошибок и упущений в стратегическом планировании...⁴³

С. Нарышкин, председатель Госдумы ФС РФ

Ведущие мировые и региональные тенденции развиваются разнонаправленно, нередко противоречат друг другу. Так, очевидно, что в XXI веке глобализация противоречит растущей тенденции самоидентификации. Именно совокупность основных тенденций формирует основные условия для развития МО, поэтому крайне важно попытаться оценить некий «общий вектор» (если он есть) этой совокупности.

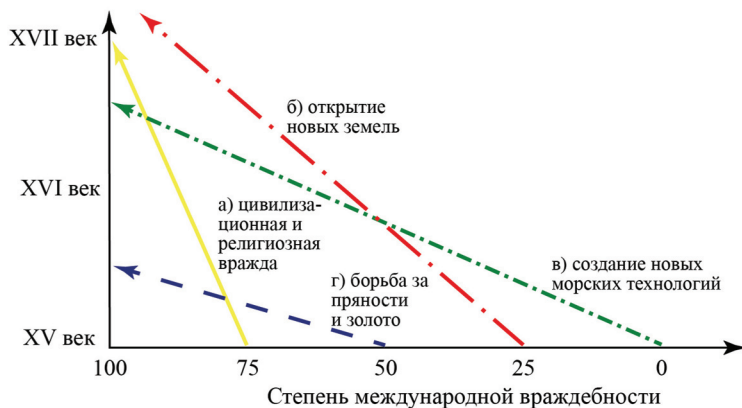
Актуальность этого не исчезла и сегодня. В практическом плане, как уже говорилось в предисловии к этой работе, очень важно не только выделить, проанализировать и спрогнозировать ведущие тенденции мирового развития,

⁴² Мизин В.И. Становление европейской внешнеполитической службы: достижения и сложности: аналитическая записка. М. : МГИМО–Университет, 2014. С. 3.

⁴³ Нарышкин С.Е. Вступительное слово // Подберезкин А.И., Мунтян М.А., Харкевич М.В. Долгосрочное прогнозирование сценариев развития внешне-политической обстановки: аналит. доклад. М. : МГИМО–Университет, 2014. С. 3.

но и попытаться совместить их между собой с тем, чтобы выделить общий доминирующий вектор мирового развития и международных отношений (МО). Этот общий вектор ведущих тенденций вместе с другими факторами в конечном счете и будет влиять на формирование будущей МО и наиболее вероятный сценарий ее развития. Грубо говоря, определить, ведёт ли общее развитие событий к войне либо сотрудничеству между цивилизациями и нациями. Самый яркий пример этому — эпоха географических открытий, когда разные вектора развития человечества предопределили длинный период войн в Европе и на других континентах, уничтожение целых ЛЧЦ и наций. В очень упрощенном виде этот период можно было проиллюстрировать развитием следующих тенденций (рис. 19).

Рис. 19. Период Великих географических открытий через призму развития некоторых глобальных тенденций

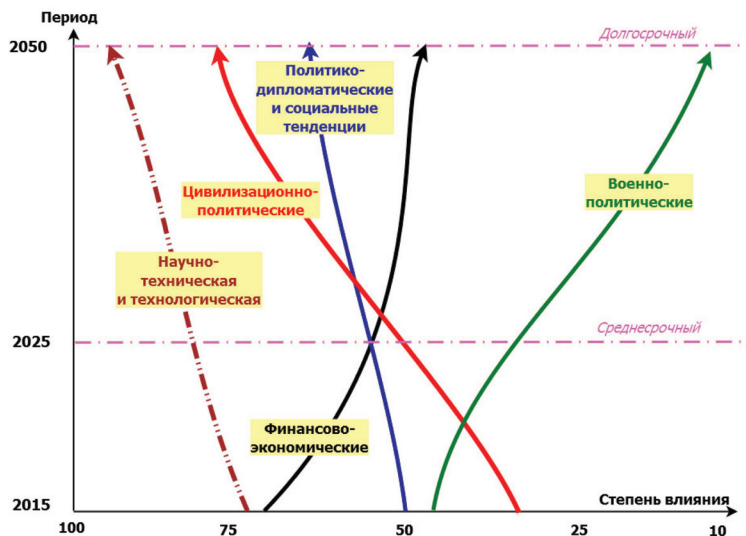
Как видно из рисунка, все основные вектора развития человечества вели к усилению степени враждебности МО и бесконечной череде войн, более того, уничтожению целых

цивилизаций и наций (вектор «а»). Именно в эти века военно-политические факторы стали решающими в МО, сформулировав главный лозунг тех времен: «пушки — главный аргумент».

Исходя из рассмотренных тенденций (при том понимании, что их анализ, как и перечень, естественно, может быть значительно увеличен), можно представить следующую картину, отражающую некий «общий вектор» мировой политики до 2021–2025 годов и после 2045 года. Сразу оговорюсь, что выбор этих тенденций и определение их влияния был сделан достаточно произвольно, но даже из этого рисунка можно сделать как минимум два вывода.

Во-первых, общая направленность («общий вектор») ведет к усилению внешнего влияния и конфликтности как следствию этого внешнего влияния.

Рис. 20. Общий вектор развития мировой политики, сформированный под влиянием ведущих мировых тенденций до 2045–2050 годов

Во-вторых, что наиболее эффективные и часто используемые в политике средства — финансовые и военные — постепенно будут уступать место гуманитарно-цивилизационным и социальным.

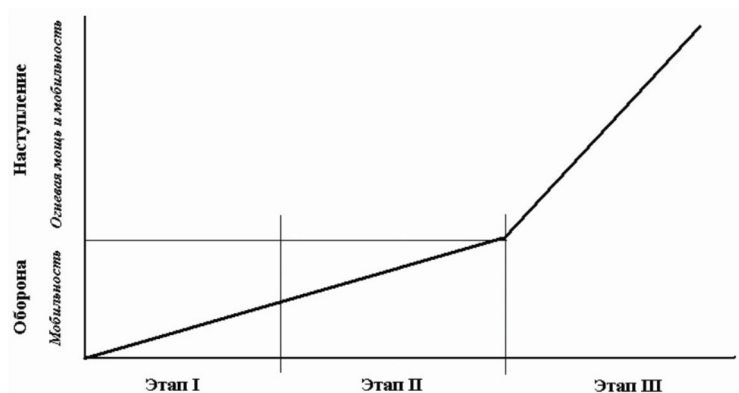
Это говорит о том, что будущие сценарии развития МО во все большей степени будут формироваться теми силами — цивилизациями, странами, нациями, коалициями, которые смогут обеспечить доминирование своей системы цивилизационно-идеологических ценностей и интересов. Можно даже говорить о лидерстве в идеологии.

В то же время растущее влияние гуманистических факторов как представляется, будет компенсироваться с помощью традиционных силовых — финансовых, экономических, военных, информационных — средств. Это хорошо видно на примере войны на Украине в 2014–2015 годах, где борьба за гуманитарно-цивилизационные ценности («европейскую общность») шла прежде всего с помощью финансово-экономических и военных средств. С целью ослабить растущее влияние российской локальной цивилизации в мире. Запад откровенно использовал не только шантаж, санкции и давление, но и военную силу.

Это также означает, что вероятность силового конфликта на всем протяжении прогнозируемого периода будет только усиливаться: разница между векторами определяет вероятность использования силы. Если такая вероятность в 2015 году (как на картинке) рассматривается как «заметное влияние» (т. е. ниже 50 баллов по предлагаемой типологии), то уже в 2021–2025 как «очень сильное», а в 2045–2050 — как «доминирующее влияние». Это означает, что вероятность использования военной силы и экономических санкций стремительно превращается в самую обычную политическую практику. Это так же означает, что растёт востребованность соответствующих инструментов, наращивание их мощи и эффективности, идёт создание новых институтов и инструментариев.

Уместно в этой связи привести нормативное заключение, сделанное в уставе армии США, из которого следует, что сдерживание использования военной силы ведет в конечном счете к увеличению ее масштаба и интенсивности: «В общем случае, из-за политических, экономических и социальных условий, которые запрещают использование огневой мощи и ведение огня, наблюдается смещение повстанческого конфликта к этапу III, увеличивая тем самым военную силу, которую необходимо применять. В обычном конфликте обычно присутствуют такие факторы, как наличие сил и угроз, но военная сила может быть применена на более поздних этапах конфликта»⁴⁴.

Рис. 21. Военная мощь, применяемая на более высоких уровнях конфликта

Сказанное означает, что по мере усиления значения мировых тенденций невоенного и несилового влияния объективно нарастают условия для активного и масштабного применения насилия, включая военное. Этот вывод важно

⁴⁴ Противопартизанские операции. Полевой устав Армии США FM 90-8. Вашингтон, 1986. 29 VIII. С. 71.

отметить хотя бы потому, что долгие годы (с конца 70-х гг. XX в.) считалось, что военная сила теряет свое значение по мере усиления других факторов мировой политики. Более того, это положение было положено в основу советской внешней политики и стало официальной догмой в России в 90-е годы XX века.

Стратегический прогноз в среднесрочной и долгосрочной перспективах в этом случае аналогичен результатам исследования современных отношений силовых и несиловых трендов: относительное падение значения военной силы как инструмента внешней политики неизбежно ведет в будущем к усилению мотиваций и возможностей ее использования. Другими словами, будущие сценарии развития МО должны исходить из усиления вероятности использования военной силы в качестве политического инструмента не только в среднесрочной, но и долгосрочной перспективе.

«Совмещение» мировых тенденций может быть достаточно аргументированным для стратегического прогноза, если это сопровождается другими факторами (например, развитием международных и негосударственных акторов). Поэтому этот метод полезно рассматривать параллельно с другими методами исследования.

**Глава II.
Развитие
основных субъектов
международной обстановки
в среднесрочной
и долгосрочной перспективе**

Геополитическая борьба
по сути своей есть война —
горячая или холодная, тайная или открытая,
ограниченная или глобальная¹.
С. Переслегин, Е. Переслегина

Сегодня крайне актуальны и востребованны
профессиональные и фактически обоснованные
прогнозы геополитического характера².
С. Нарышкин, председатель Госдумы ФС РФ

К основным участникам и акторам, формирующим международную обстановку (МО) в XXI веке, можно отнести (в порядке приоритетности) следующие:

- во-первых, основные локальные человеческие цивилизации (ЛЧЦ), которые к началу XXI века превратились не только в реальные, но и ведущие факторы мировой политики;
- во-вторых, основные государства-нации, которые традиционно рассматриваются в качестве основных факторов МО;

¹ *Переслегин С., Переслегина Е.* Дикие карты будущего, или «Сталинград» (фрагмент). С. 23.

² *Нарышкин С. Е.* Вступительное слово // Подберезкин А. И., Мунтян М. А., Харкевич М. В. Долгосрочное прогнозирование сценариев развития военно-политической обстановки: аналит. доклад. М.: МГИМО–Университет, 2014. С. 3.

- в-третьих, основные международные акторы — участники формирования МО, играющие самостоятельную роль (военно-политические коалиции, союзы, объединения финансового и иного характера);
- в-четвертых, основные национальные и негосударственные акторы мировой политики³.

Систематизировав их таким образом, можно попытаться далее формализовать их влияние, например, по следующим матрицам (в соответствии с каждой из четырех групп), понимая, естественно, условность подобной формализации.

³ Подберезкин А. И. Военные угрозы России.

2а) Основные тенденции в развитии наций-государств — основных традиционных субъектов международной обстановки — в среднесрочной и долгосрочной перспективе

В настоящее время не видно принципиальных границ применения ЭВМ в решении задач управления⁴.

Дж. Д. Вильямс

Мировое развитие на современном этапе характеризуется усилением глобальной конкуренции, напряженности в различных областях межгосударственного и межрегионального взаимодействия...

Происходит поэтапное перераспределение влияния в пользу новых центров экономического роста и политического притяжения⁵.

Военная доктрина России

Классическое противоборство наций-государств в XXI веке сохранится, хотя оно неизбежно и трансформируется в участие тех или иных государств в коалициях — международных, цивилизационных, политических, экономических и других. Субъектность государств-наций будет становиться центром политического и экономического притяжения других государств, наций и акторов ми-

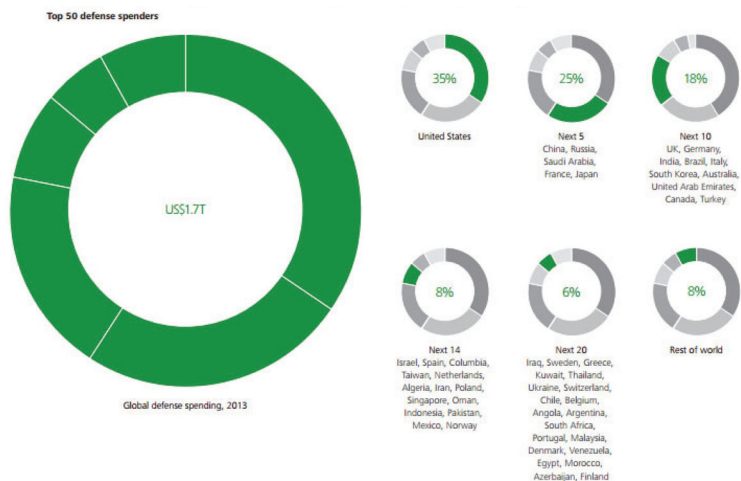
⁴ *Вильямс Дж.Д.* Совершенный стратег, или букварь по теории стратегических игр / Под ред. и с пред. И.А. Полетаева. М. : Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2009. С. 7.

⁵ Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Президентом РФ В. Путиным 26 декабря 2014 г. [Электронный ресурс]. URL : <http://www.kremlin.ru/>

ровой политики, что явится в конечном счете важнейшим условием консолидации вокруг одной локальной человеческой цивилизации, превратившейся в мировой центр силы.

Один из способов определения влияния государств на МО — измерение их доли в ВВП всех стран мира, отдельных регионов или, например, в военных расходах. Так, военный бюджет США составляет 35% или в 2 раза выше доли США в мировом ВВП и в 10 раз превышает долю США в мировом населении. Наконец, военные расходы США превышают аналогичные расходы последующих 8 стран, вместе взятых. Эти данные говорят об очевидном акценте политики США на военной силе (рис. 22).

Рис. 22. Доля военных расходов США в мире

Источник: Global Defense Outlook 2014. Adapt, collaborate, and invest. Wash., 2014. P. 5.

Вместе с тем эти подсчеты требуют уточнения и корректировки. В частности, если речь идет о финансовых

расходах и физических объемах. Так, по оценке МВФ, Китай по паритету покупательной способности еще в октябре 2014 года вышел на первое место в мире. А Индия, по всем основным прогнозам Запада, к середине века опередит США и выйдет на второе место в мире. «У нас здесь затуманены мозги, — считает профессор МГИМО С. Лунев. — Данные по ВВП вычисляются очень просто. Берется официальная статистика, тупо умножается на официальный курс местной валюты к доллару и получается объем экономики. Это совершенно несправедливый счет. Надо считать, хотя это и гораздо сложнее, по паритету покупательной способности. По этому показателю по итогам 2011 года Индия — третья мировая держава. Она опередила Японию». К 2030 году Индия станет самой населенной страной мира. Средний возраст там на 10 лет ниже, чем в Китае, и на 20 лет ниже, чем в Германии и Японии. Значит, будет больше рабочей силы. Конечно, вопрос в том, насколько она квалифицирована, но квалифицированных специалистов в Индии много. Нужно добавить, что там фантастическими темпами развивается инфраструктура»⁶.

Наиболее традиционными, даже исключительными объектами исследований и прогнозов в области МО, определяющими её характер, являются государства. При этом работа ведётся на базе их основных параметров: численности населения, ВВП, площади территории и других. В результате получается некий прогноз МО, составленный на основе прогноза развития пяти-шести государств по 10–12 основным параметрам. По сути дела, это экстраполяция существующих в настоящее время качеств субъектов МО, перенесенная механически на будущее. Иногда с теми или иными поправками и коэффициентами.

⁶ Скосырев В. Индия обошла Китай по темпам экономического роста // Независимая газета. 2015. 13 февраля.

В целях существенного улучшения точности анализа и прогноза МО предлагается:

- расширить число участников до нескольких десятков, даже до 100 государств-наций
- расширить число параметров до нескольких десятков, даже до сотен и ввести критерии;
- рассмотреть возможность качественных характеристик.

Прежде всего необходимо проанализировать состояние и перспективу развития традиционно главных субъектов МО — государств. В самом общем виде вероятно придется выбрать 100 наиболее значимых государств и проанализировать их с точки зрения современного влияния и изменения их влияния на МО в среднесрочной и долгосрочной перспективах. В результате заполнения матрицы мы получим приблизительную картину соотношения сил и влияния государств-субъектов на МО в настоящее время и далее.

Важно, чтобы выводы о влиянии, сформулированные в матрице, были достаточно обоснованы и минимально субъективны. Поэтому необходимо ввести достаточное количество критериев, характеризующих мощь и влияние государств в мире. В самом общем виде это может быть 10 групп по 10 критериям, т. е. 100 критериев для одного государства (или $100 \times 100 = 10\,000$ для всех отобранных государств).

Влияние того или иного государства определяется по следующим основным 10 группам по количественным и качественным критериям:

- экономическим (10 критериев);
- демографическим (10 критериев);
- военным (10 критериев);
- гуманитарным (10 критериев) и т. д.

Обращает на себя внимание система анализа и долгосрочного комплексного прогноза, сделанная для Запад-

Матрица влияния субъектов МО (государств) до 2050 гг.

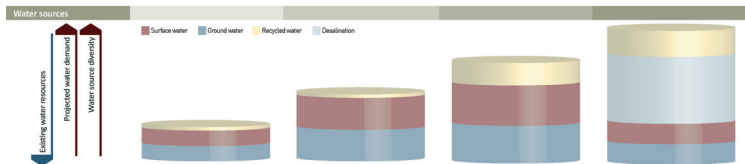
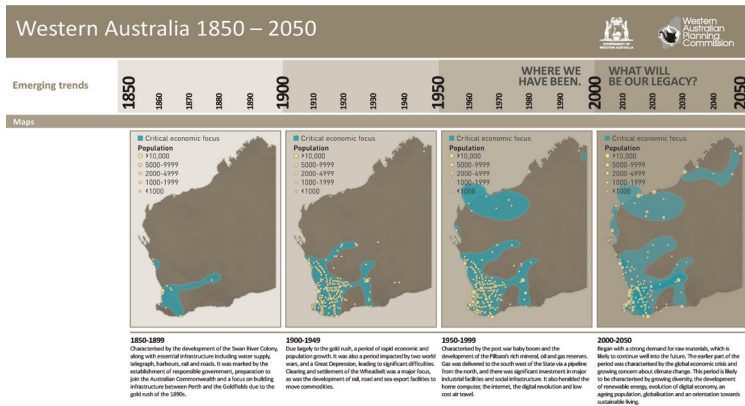
Название субъекта	Состояние, степень влияния в н/в (в баллах)	Состояние, степень влияния в 2021–2025 гг.	Состояние, степень влияния в 2045–2050 гг.
1. Российская Федерация	Великая держава (40 баллов)	Великая держава (45 баллов)	Великая держава (50 баллов)
2. Соединенные Штаты Америки	Великая держава (85 баллов)	Великая держава (80 баллов)	Великая держава (75 баллов)
...			
100. Андорра	Микросоударство (5 баллов)	Микросоударство (5 баллов)	Микросоударство (5 баллов)

ной Австралии, где выделены временные, географические, ресурсные, транспортные компоненты, на базе которых и представлен долгосрочный прогноз региона Западной Австралии.

Эти тенденции или некоторые из них могут стать базой для анализа и прогноза развития мировых тенденций до 2050 года, т. е. можно взять австралийский прогноз (отбор тенденций) за основу.

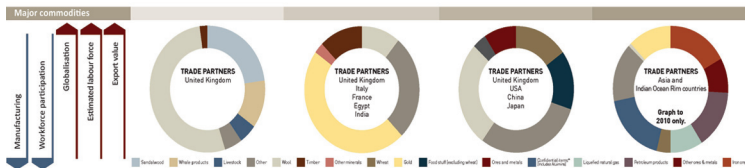
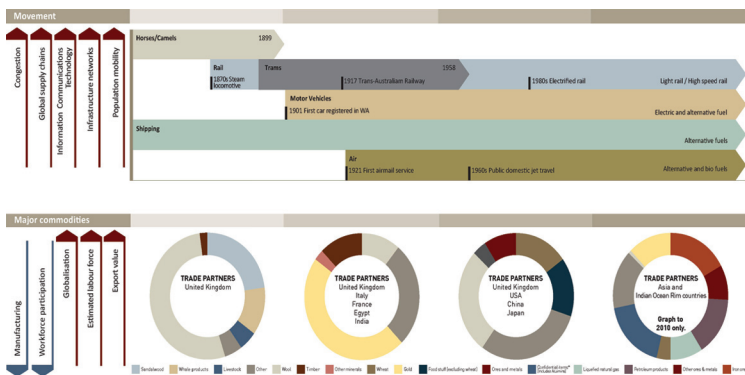
Следует понимать, однако, что для всей планеты, для всех субъектов МО такой выбор тенденций недостаточен. Глобализация, регионализация сами по себе стали ведущими мировыми тенденциями, но они, кроме того, породили и другие тенденции, имеющие значительные последствия. Например, в области образования, научно-технического сотрудничества, а тем более внешней торговли и финансов.

Рис. 23

Источник: State Planning Strategy Partners / Western Australian Planning Commission. GEA, 2014.

Рис. 24

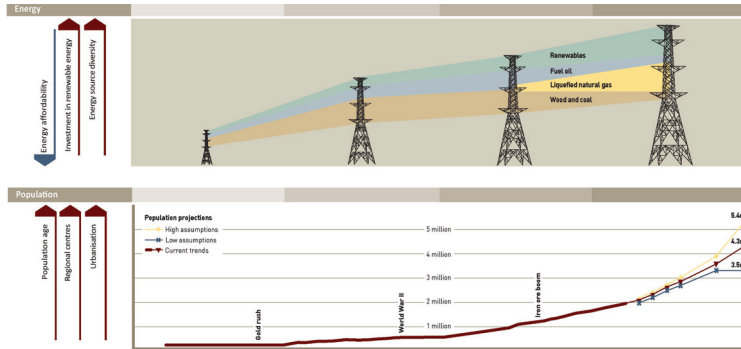
Источник: State Planning Strategy Partners / Western Australian Planning Commission. GEA, 2014.

Рис. 25

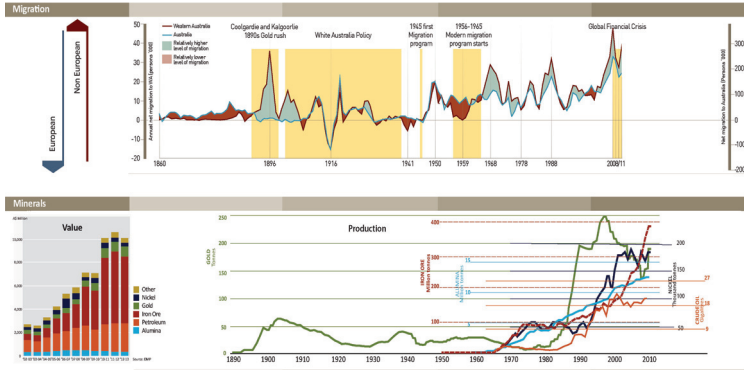
Источник: State Planning Strategy Partners / Western Australian Planning Commission. GEA, 2014.

Рис. 26

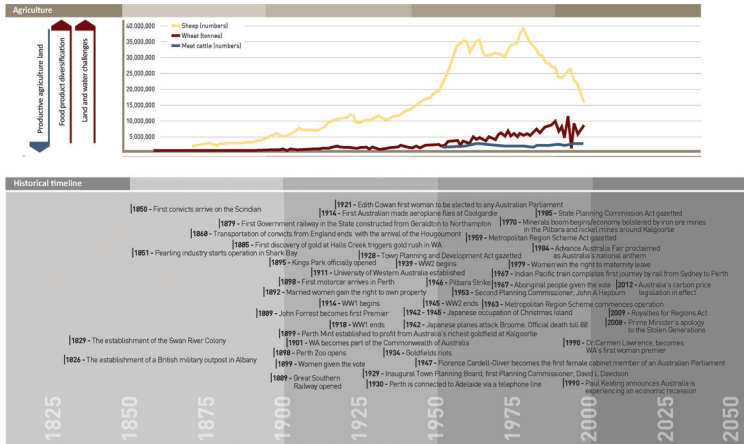
Источник: State Planning Strategy Partners / Western Australian Planning Commission. GEA, 2014.

Рис. 27

Источник: State Planning Strategy Partners / Western Australian Planning Commission. GEA, 2014.

Рис. 28

Источник: State Planning Strategy Partners / Western Australian Planning Commission. GEA, 2014.

26) Основные тенденции в развитии локальных человеческих цивилизаций — главных субъектов международной обстановки до 2021–2024 годов

...военное дело зависит от цивилизационных мегатрендов не в меньшей степени, чем любая иная человеческая деятельность⁷.

*Я. Новиков,
генеральный директор ОАО Концерн ПВО «Алмаз-Антей»*

Есть основания полагать, что значение противоборства локальных человеческих цивилизаций (ЛЧЦ) в международной политике XXI века будет стремительно возрастать. Именно на их основе будут формироваться будущие центры силы и международные коалиции. Это связано с двумя основными причинами. Во-первых, с выдвиганием на первое место системы ценностей, характерных для цивилизаций, а не государств, а во-вторых, с совпадением этого цикла (видимо, не случайно) с очередной сменой технологических укладов. Важно, что как из-за первой группы, так и второй группы причин основные противоречия переносятся в межцивилизационную плоскость. Академик С. Глазьев в этой связи отмечает три возможных цивилизационных сценария развития, которые и будут предопределять во многом отношения между ЛЧЦ⁸:

1. Сценарий быстрого выхода на новую длинную волну экономического роста (оптимистический). Он пре-

⁷ Новиков Я. В. Вступительное слово // Подберезкин А. И., Мунтян М. А., Харкевич М. В. Долгосрочное прогнозирование сценариев развития военно-политической обстановки: аналит. доклад. М. : МГИМО–Университет, 2014. С. 5.

⁸ Глазьев С. Ю. Выход из хаоса // Военно-промышленный курьер [Электронный ресурс]. URL : <http://vpc-news.ru/articles/22623>

дусматривает перевод кризиса в управляемый режим, позволяющий ведущим странам канализировать спад в устаревших секторах и периферийных регионах мировой экономики и направлять остающиеся ресурсы на подъем инновационной активности и форсированный рост нового технологического уклада. При этом кардинально изменится архитектура глобальной финансовой системы, которая станет поливалютной, а также состав и относительный вес ведущих стран. Произойдет существенное усиление государственных институтов стратегического планирования и регулирования финансовых потоков, в том числе на мировом уровне. Глобализация станет более управляемой и сбалансированной. Стратегия устойчивого развития сменит доктрину либеральной глобализации. В числе целей, объединяющих ведущие страны мира, будет использоваться борьба с терроризмом, глобальным потеплением, массовым голодом, болезнями и другими угрозами человечеству.

2. Катастрофический сценарий, сопровождающийся коллапсом существующей американоцентричной финансовой системы, формированием относительно самостоятельных региональных валютно-финансовых систем, уничтожением значительной части международного капитала, резким падением уровня жизни в странах «золотого миллиарда», углублением рецессии и возведением протекционистских барьеров между регионами.
3. Инерционный сценарий, сопровождающийся нарастанием хаоса и разрушением многих институтов как в ядре, так и на периферии мировой экономики. При сохранении некоторых институтов существующей глобальной финансовой системы появятся новые центры экономического роста в странах, сумевших опередить других в формировании нового технологического уклада и «оседлать» длинную волну экономического роста.

Инерционный сценарий представляет собой сочетание элементов катастрофического и управляемого выхода из кризиса. При этом он может быть катастрофическим для одних стран и регионов и оптимистическим — для других. Следует понимать, что институты ядра мировой финансовой системы будут выживать за счет стягивания ресурсов с периферийных стран путем установления контроля над их активами. Достигается это обменом эмиссии их валют на собственность принимающих эти валюты стран в пользу банков и корпораций ядра.

Рис. 29

Пока развитие событий идет по инерционному сценарию, который сопровождается расслоением ведущих стран мира по глубине кризиса. Наибольший ущерб несут открытые экономики, в которых падение промышленного производства и инвестиций составило в начальной фазе кризиса 15–30%. Страны с автономными финансовыми системами и емким внутренним рынком, защищенным от атак спекулянтов, продолжают расти, увеличивая свой экономический вес.

Для выхода на оптимистический сценарий необходимо формирование глобальных регулирующих институтов, спо-

Рис. 30

СТРУКТУРА НОВОГО (VI) ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УКЛАДА И ТЕМПЫ РОСТА ЕГО СОСТАВЛЯЮЩИХ

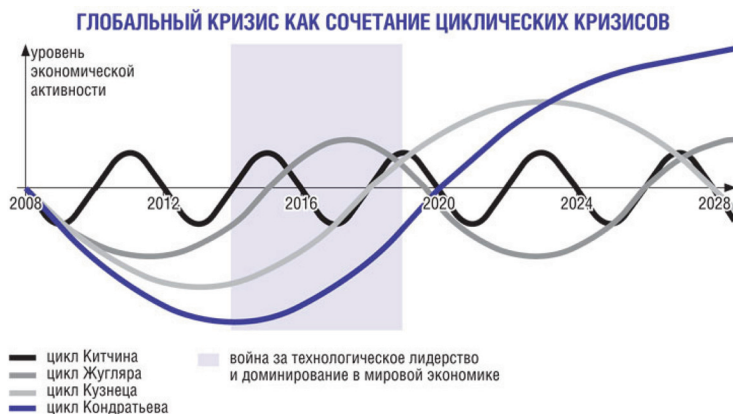

собных обуздать турбулентность на мировых финансовых рынках и уполномоченных на принятие универсальных глобальных правил для финансовых учреждений. В том числе предусматривающих ответственность менеджеров, прозрачность фондовых опционов, устранение внутренних конфликтов интересов в институтах, оценивающих риски, ограничение кредитных рычагов, стандартизацию финансовых продуктов, проведение трансграничных банкротств.

В любом из сценариев экономической подъем возникает на новой технологической основе с новыми производственными возможностями и качественно новыми потребительскими предпочтениями. Кризис закончится с перетоком оставшегося после коллапса долларовой пирамиды и других финансовых пузырей капитала в производства нового технологического уклада.

В основе нового (шестого) технологического уклада лежит комплекс нано-, информационно-коммуникационных

Рис. 31

и биотехнологий. И хотя основная сфера их применения — здравоохранение, образование и наука — лишь косвенно связана с производством военной техники, гонка вооружений и увеличение оборонных расходов привычным образом становятся ведущим способом государственного стимулирования нового технологического уклада⁹, что сегодня стало фактически непризнанной реальностью, которую в упрощенной форме можно представить в виде тенденции.

Тенденция роста значения отдельных ЛЧЦ в мировой политике (в баллах — от 1 до 100)

Субъект МО в настоящее время	2015	2020	2024	2030	2040	2050
Западная ЛЧЦ	60	55	50	40	35	30
Китайская ЛЧЦ	15	15	20	35	40	45

⁹ Глазьев С. Ю. Выход из хаоса // Военно-промышленный курьер [Электронный ресурс]. URL : <http://vpk-news.ru/articles/22623>

окончание матрицы

Субъект МО в настоящее время	2015	2020	2024	2030	2040	2050
Российская ЛЧЦ	10	10	10	10	10	10
Индийская	5	5	10	15	20	25
Мексиканско- бразильская	5	5	10	20	25	25
Индонезийская	3	5	5	5	10	10
Остальные	3–5	5	5	10–15	15	15

Как видно из матрицы, борьба за «свое место» в иерархии человеческих цивилизаций идет и будет идти очень сильно, параллельно с усилением отдельных политических центров силы.

Матрица влияния субъектов МО (локальных человеческих цивилизаций) до 2050 гг.

Название субъекта ЛЧЦ	Состояние, степень влияния в н/в	Состояние, степень влияния в 2021–2024 гг.	Состояние, степень влияния в 2045–2050 гг.
– западная локальная человеческая цивилизация	ведущая (90 баллов)	ведущая (80 баллов)	ведущая (75 баллов)
– китайская ЛЧЦ			
– российская ЛЧЦ			
– индийская ЛЧЦ			
– исламская ЛЧЦ			

окончание матрицы

Название субъекта ЛЧЦ	Состояние, степень влияния в н/в	Состояние, степень влияния в 2021–2024 гг.	Состояние, степень влияния в 2045–2050 гг.
-----------------------	----------------------------------	--	--

– бразильская ЛЧЦ

– индонезийская ЛЧЦ

Третья группа факторов — международные акторы, влияющие на МО, — одна из наиболее разнообразных и многочисленных. Поэтому важно попытаться формализовать факторы этой группы в одну матрицу для того, чтобы определить ее роль в будущей МО. В самом общем виде эту группу можно разделить на следующие подгруппы.

Матрица международно-государственных факторов, влияющих на формирование МО в настоящее время, до 2021–2025 годов и до 2045–2050 годов

Подгруппы международных факторов	Состояние, степень влияния в н/в	Состояние, степень влияния в 2021–2024 гг.	Состояние, степень влияния в 2045–2050 гг.
----------------------------------	----------------------------------	--	--

1. Политические коалиции:

– НАТО

– ОДКБ

окончание матрицы

Подгруппы международных факторов	Состояние, степень влияния в н/в	Состояние, степень влияния в 2021–2024 гг.	Состояние, степень влияния в 2045–2050 гг.
2. Подгруппа международных организаций глобального характера:			
– ООН			
– ВБ			
– МВФ			
3. Подгруппа региональных международных организаций:			
– ШОС			
– ТС			
– ТТП			
– ТАП			
4. Подгруппа...			

2в) Основные тенденции в развитии международных акторов международной обстановки (союзов, коалиций и блоков) до 2021 и 2040 годов

Пентагон уже объявил о переносе центра военной политики США в АТР. В Вашингтоне открыто говорят о том, что ТАП должен стать «экономической НАТО».

Оборонный бюджет стран ТАП (т. е. США и европейских членов НАТО) будет составлять около 60% глобальных военных расходов. Если к этому добавить тихоокеанских союзников США, то эта доля будет превышать 65%.

Более того, по расходам на производство вооружений доля двух возглавляемых Вашингтоном региональных коалиций составит не менее 80%, а по расходам на оборонные научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки (НИОКР) — свыше 90%. Ни Китай, ни даже БРИКС по этим показателям не смогут сравниться с ТАП и ТТП¹⁰.

С. Рогов, директор Института США и Канады, академик РАН

Нужно перераспределить власть от гражданского чиновничества, сосредоточив ее в руках наднациональных военно-политических организаций (не национальны!), поскольку необходимо предельное напряжение сил всех народов, составляющих «Европейскую империю»...¹¹

Наконец, влиятельную группу факторов, определяющих характер МО, составляют международные негосударственные акторы, имеющие как национальную, так

¹⁰ Рогов С. Доктрина Обамы. Властелин двух колец // Российская газета. 2013. 17 апреля.

¹¹ Аладьин В., Ковалев В., Малков С. Пределы сокращения: доклад российскому ин-теллектуальному клубу / отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2013. С. 96.

и многонациональную основу, прежде всего этнические, религиозные и экстремистские организации. Их многообразие неизбежно ведет к разделению этой четвертой группы факторов на подгруппы, в основу которого может быть положен характер их основной деятельности.

Матрица международно-общественных акторов, влияющих на формирование МО в настоящее время и на среднесрочную и долгосрочную перспективы

Подгруппы международно-общественных акторов	Состояние и влияние в н/в	Состояние и влияние в среднесрочной перспективе (до 2021–2025 гг.)	Состояние и влияние в долгосрочной перспективе (до 2045–2050 гг.)
Актор № 1			
Актор № 2			
...			

Наконец, очень важно попытаться взглянуть на всю картину формирования МО целиком, во взаимосвязи. Если использовать аналогию с современным крупным авиалайнером, состоящим из 2 млн деталей, то нам в конечном счете важно не количество и даже качество этих деталей (каждая из которых очень важна), а куда этот самолет и за сколько времени долетит, сколько пассажиров он перевезет, какие последствия для внешнего мира (экологии и т. д.) будут и т. д.

Сказанное означает, что перечисленные выше тысячи факторов, а до этого — тенденции должны быть каким-то образом взаимосвязаны.

К наиболее важным мировым тенденциям, влияющим на субъектов и акторов МО, можно отнести следующие:

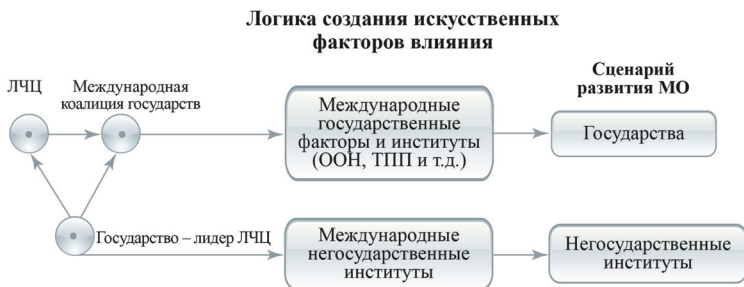
- усиление роли субъективного, человеческого фактора, прежде всего роли и значения правящих элит и общества;
- усиление значения национального человеческого капитала и его институтов;
- усиление значения социальных факторов: распределения доходов, справедливости, бедности и т. д.

Спектр негосударственных международных акторов, влияющих на формирование МО, чрезвычайно широк — от государств, наций до международных НПО и союзов, объединяющих национальные, региональные и иные организации. Естественно, что, хотя в последние десятилетия произошло резкое усиление негосударственных международных организаций, основную роль продолжают играть государство и отдельные нации хотя бы потому, что именно они финансируют, создают такие международные организации и управляют ими. Так, например, радикальное движение «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ) перенацеливается на дестабилизацию ситуации в Центральной Азии, выделяя для этих целей 70 млн долл.¹² Но сама ИГИЛ, неожиданно появившаяся в 2014 году и за несколько месяцев ставшая влиятельным актором не только на Ближнем Востоке, но и в других регионах, была искусственно созданным продуктом третьих стран, заинтересованных в изменении соотношения сил не только в арабском мире, но и глобально.

Поэтому можно говорить о двух основных моделях искусственного формирования международных факторов влияния, за которыми в любом случае стоят ЛЧЦ и государства. На рисунке это может выглядеть следующим образом (рис. 32).

¹² Панфилова И. ИГИЛ намерен открыть второй фронт в Центральной Азии // Независимая газета. 2015. 21 января. С. 1.

Рис. 32

В среднесрочной перспективе до 2021–2024 годов международная обстановка (МО) и соотношение сил во многом будут зависеть от того, насколько западной локальной цивилизации (ЛЧЦ) во главе с США удастся создать военно-политическую коалицию, способную нейтрализовать последствия быстрого развития других ЛЧЦ и новых мировых центров силы. Таким образом, коалиционная политика США становится их высшим политическим приоритетом.

Тенденция формирования военно-политических широких коалиций отчетливо проявилась в ходе создания таких коалиций в войнах в Югославии, Ираке, Афганистане, Ливии и Сирии, а в 2014–2015 годах — на Украине. Причем в состав таких коалиций входили не только союзники США по НАТО, но и широкий круг «партнеров», которые участвовали в них на основании двусторонних соглашений и договоренностей.

2г) Основные тенденции в развитии негосударственных (национальных) акторов международной обстановки (НКО, СМИ, партий, движений и т. д.)

Американская дипломатия рассчитывает не только закрепить за собой рычаги лидерского управления миром, но и обеспечить согласие на это со стороны самих управляемых¹³.

«Обеспечить согласие» со стороны самих управляемых можно, только если удастся изменить мировоззренческо-идеологическую основу. Для того нужны не только идеи и средства коммуникаций, прежде всего СМИ, но и соответствующие общественные институты, способные трансформировать общественное сознание других стран, как это было, например, на Украине в последние десятилетия, а до этого — в СССР и странах Восточной Европы. Роль общественных (негосударственных) институтов в формировании МО в XXI веке стала исключительно важной, особенно в связи с тем, что использование государственных институтов из-за разного рода рисков, во-первых, ограничено, а во-вторых, далеко не всегда эффективно.

Подписание в 1975 году Заключительного акта в Хельсинки стало «точкой отсчета» периода, когда общественные институты превратились в реальный инструмент внешней политики государства, чья роль стремительно увеличивалась. В целом ряде случаев (отсутствия отношений между государствами, открытой враждебности,

¹³ Введение в прикладной анализ международных ситуаций / под ред. Т. А. Шаклеиной. М. : ЗАО «Аспект Пресс», 2014. С. 35.

состояния конфликта или войны либо нежелания чрезмерного риска) именно общественные институты играют уникальную роль фактора влияния на другое государство. Среди таких общественных институтов можно выделить следующие группы.

1. Политические, общественные и иные организации и объединения, в особенности националистического или религиозного толка, которые в зависимости от своих возможностей могут решать частные или общенациональные задачи — от создания «очагов инакомыслия» до повстанческих групп.
2. Средства массовой информации, обладающие либо корреспондентской сетью, либо открыто работающие на территории противника. Особенное значение в этой связи имеют средства глобального Интернета. Так, даже в последней редакции Военной доктрины России было отмечено «смещение военных опасностей в информационную сферу»¹⁴. Конец 2014 года ознаменовался киберпротивостоянием США и КНДР, повлекшим за собой кратковременные отключения КНДР от глобального Интернета. Согласно СМИ, проблемы с подключением были вызваны внешними атаками. Кроме того, ответственность за перебои в доступе к Интернету в КНДР взяла на себя группа хакеров «Anonymous». Источником противоречий стал фильм «Sony Pictures», в комичном и негативном свете представляющий главу КНДР, после выхода которого в прокат компания подверглась кибернападением со стороны КНДР, а фильм был изъят из проката.

Данный инцидент, несмотря на некоторую надуманность его предпосылок, иллюстрирует значительный информаци-

¹⁴ Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Президентом РФ В. Путиным 26 декабря 2014 г. [Электронный ресурс]. URL : <http://www.kremlin.ru/>

онный потенциал США и готовность его использовать для защиты своих национальных интересов.

В 2014 году США также наложили эмбарго на предоставление товаров и услуг населению Крыма, под действие которого подпадает и сфера информационных технологий. Одним из последствий может стать «интернет-блокада» Крыма в результате блокировки «Gmail», «Skype», закрытия доступа к «Firefox», «Google Chrome» или «Java».

Таким образом, геополитическое противостояние государств переносится в информационную сферу, а негосударственные акторы, такие как бизнес-структуры и общественные движения, выступают скорее в роли проводников государственных интересов, чем независимых игроков. В 2014 году сохраняется тенденция к «балканизации» Интернета, выделению национальных сегментов Сети с целью защиты «цифрового суверенитета», что обусловлено, с одной стороны, сохраняющимися межгосударственными противоречиями, а с другой стороны, ростом масштабов и значимости киберугроз. Кроме того, данной тенденции способствовали разоблачения Э. Сноудена о масштабной слежке в интернет-пространстве, осуществляемой спецслужбами США¹⁵.

3. Институты образования, прежде всего высшего, которые фактически монополизированы западной ЛЧЦ.
4. Частные фирмы, компании, фонды и ассоциации, управляемые государством.

¹⁵ Зиновьева Е. «Балканизация» интернета [Электронный ресурс]. URL : <http://www.mgimo.ru/> (дата обращения: 20.01.2015).

2д) Основные тенденции в развитии негосударственных международных институтов

...в современном мире
начинает разворачиваться...
формирование устойчивых
и авторитетных международных
межпартийных площадок,
основанных не на идеологическом,
а на региональном принципе¹⁶.

А. Климов, член Совета Федерации ФС РФ

Международная конференция азиатских политических партий (МКАПП) — относительно молодая структура. Ее первая Генеральная ассамблея состоялась на стыке тысячелетий — в 2000 году в Маниле, но уже сегодня под флагом МКАПП работают 359 парламентских политических партий из более чем 50 стран Азии. Россия представлена в МКАПП тремя партиями: «Единая Россия», «Справедливая Россия» и КПРФ. К слову сказать, в МКАПП есть представители Австралии и Новой Зеландии.

Основываясь на ее опыте, начинают формироваться аналогичные структуры на других континентах — в Африке (Council of African Political Parties — CAPP) и Латинской Америке (Permanent Conference of Political Parties of Latin America and the Caribbean — COPPPAL).

Что касается самой Европы, то там ситуация несколько иная. Никакого общепризнанного панъевропейского партийного объединения нет. Совет Европы в свое время вы-

¹⁶ Климов А. В. БРИКС: уже не только саммиты // Международная жизнь. 2014. № 10. С. 40.

ступил с инициативой проанализировать роль и значение политических партий в современных условиях. Так совпало, что соответствующий форум пришелся по времени к российскому периоду председательства в СЕ, а потому прошел в Москве в октябре 2006 года.

Не вдаваясь в детали тогдашних дебатов, могу засвидетельствовать, что, по мнению немалого числа наших коллег из стран ЕС, «политические партии в Европе находятся в периоде заката», причем основные из них уже мало чем отличаются в программах и методах от своих основных политических конкурентов, при этом все большую роль начинают играть «непартийные структуры» гражданского общества, в первую очередь разнообразные НПО.

2е) Основные тенденции в развитии отношений России с отдельными субъектами международной обстановки в долгосрочной перспективе

...несмотря на снижение вероятности развязывания против Российской Федерации крупномасштабной войны, на ряде направлений военные опасности для Российской Федерации усиливаются¹⁷.
Военная доктрина России

...стратегическое планирование — деятельность... по целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию...¹⁸
Закон № 172-ФЗ

Очень важно при стратегическом прогнозе изначально попытаться выделить несколько наиболее опасных направлений, на которых может формироваться угроза стране. Ответ «по всем азимутам» — непозволительная роскошь, на которую никогда не хватит ресурсов.

Оценивая современное состояние МО и формируя среднесрочный и долгосрочный прогнозы, необходимо выделить наиболее важные для России тенденции в развитии ее отношений с отдельными субъектами МО, как минимум наиболее важными государствами и акторами, формирующими МО.

Так, например, развитие восточного вектора российской политики предполагает приоритетность не только в отношении с КНР, но и со всеми странами АТР и Центральной Азии, что, естественно, вносит существенные акценты в формирование

¹⁷ Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Президентом РФ В. Путиным 26 декабря 2014 г. [Электронный ресурс]. URL : <http://www.kremlin.ru/>

¹⁸ Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

МО в будущем. В частности, по мнению профессора МГИМО Д. Стрельцова, «трудно ожидать принципиального пересмотра роли Китая в российских внешнеполитических приоритетах — его доля в российском газовом экспорте даже после выхода газопровода на проектную мощность составит не более 20%. Здесь важна долгосрочная перспектива: к 2040 году Китай, как ожидается, станет крупнейшим потребителем газа в мире. Значимость Китая для России стала определяться и тем обстоятельством, что эта крупнейшая в Азии (а в будущем — и во всем мире) экономика стоит перед острой необходимостью перестройки своего энергетического баланса — переориентирования с угля на газ¹⁹.

Произошли подвижки и в военно-техническом сотрудничестве России и КНР. В ноябре 2014 года Россия заявила о готовности начать поставки в Китай истребителей SU-35, а также возобновить экспорт других видов высокотехнологичных вооружений, приостановленный несколько лет назад из опасений несанкционированного копирования российских ракетных технологий. Тогда же российский министр обороны С. Шойгу объявил о намерении провести в 2015 году совместные с Китаем военно-морские учения в Средиземном море и в районе Тихого океана.

Особая роль Китая в российской внешней политике проявлялась в минувшем году и в том, что прошедший в сентябре 2014 года саммит двух стран, символизировавший их политическое сближение, стал своего рода ответом на попытки Запада дипломатически изолировать Россию. Отказавшись поддержать западные санкции, Китай предотвратил своими действиями формирование синдрома окруженной крепости и таким образом обеспечил Москве что-то вроде психологической передышки. К тому же своего рода солидарность проявилась и на уровне массового сознания: судя

¹⁹ Стрельцов Д. Азиатский вектор российской дипломатии: Китай, Турция, Япония [Электронный ресурс]. URL : <http://www.mgimo.ru/> (дата обращения: 28.01.2015).

по опросам, отношение к России в китайском общественном мнении, в отличие от большинства западных стран, на протяжении всего прошедшего года стабильно улучшалось.

Важнейшее место в азиатской дипломатии России традиционно занимает Япония. Не составлял исключения и прошедший год. Хотя в период украинского кризиса Япония и присоединилась к западным санкциям против России, по своему уровню и содержанию японские санкции были заметно слабее европейских и американских. Контакты между В. Путиным и С. Абэ, начавшись с личной встречи в ходе сочинской Олимпиады в феврале 2014 года (в условиях бойкота со стороны прочих западных лидеров), не прекращались даже в период санкционной войны: состоялось несколько телефонных разговоров, обмен личными посланиями, осенью прошли две встречи на полях крупных международных форумов. В ходе пекинского саммита АТЭС в ноябре 2014 года стороны подтвердили намерение продолжить подготовку к визиту российского президента в Японию, намеченному на 2015 год.

Интерес к Японии как к крупнейшему экономическому партнеру, занимающему заметное место во внешнеполитических приоритетах России, был связан как с логичным стремлением диверсифицировать рынки сбыта энергоресурсов, так и с пониманием перспективы стабильной потребности в этих ресурсах, существенно возросшей после фукусимской катастрофы. В октябре 2014 года Россия предложила Японии проект строительства газопровода длиной около 1350 км, который бы соединил богатый шельфовым газом остров Сахалин с Хоккайдо, а в дальнейшем был бы продолжен до префектуры Ибараки к северу от японской столицы. Строительство газопровода позволит России нарастить свою долю на крупнейшем в мире японском внутреннем рынке газа до 20%²⁰.

²⁰ Стрельцов Д. Азиатский вектор российской дипломатии: Китай, Турция, Япония [Электронный ресурс]. URL : <http://www.mgimo.ru/> (дата обращения: 28.01.2015).

**Глава III.
Основные
вероятные сценарии
развития международной
обстановки в XXI веке**

Повышается роль ШОС в мировых и региональных делах, что обуславливает рост интереса к ней со стороны многих государств и международных организаций. Пакистан, Индия, Иран заявили о стремлении стать полноправными членами ШОС, все больше стран обращаются за получением статуса наблюдателя или партнера по диалогу¹.
С. Лавров, министр иностранных дел России

Подлинная цель научного прогнозирования... его сверхзадача — предвидеть наиболее важные долгосрочные тенденции... возможные поворотные пункты мирового развития².
А. Дынкин, академик РАН

Усиление борьбы локальных человеческих цивилизаций (ЛЧЦ) за контроль над мировыми процессами, которое происходит по мере изменения расстановки сил в мире, означает усиление борьбы за контроль над развитием всего процесса человеческой цивилизации, а не только перераспределением ресурсов планеты. Планета — как геополитическое пространство и хранилище природных ресурсов — может контролироваться либо из одного центра правящей локальной цивилизации, либо через согласованные механизмы догово-

¹ Сергей Лавров: ШОС отвечает реалиям и потребностям XXI века. 2014. 7 октября.

² Стратегический глобальный прогноз 2030 / под ред. акад. А. А. Дынкина, ИМЭМО РАН. М.: Магистр. 2011. С. 15.

ренностей. В XXI веке это правило становится справедливым и для информации, и для управления, и для идеологии. В настоящее время мы вынуждены констатировать, что пока что нет ни таких договоренностей, ни стремления их достичь. Совсем наоборот. Те немногие, которые существовали, стремительно разрушаются.

В то же время существуют политики, представленные в разных центрах силы, претендующих на такой всеобъемлющий контроль, который пока что принадлежит только одной западной локальной цивилизации. XXI век — век борьбы между ЛЧЦ за всеобъемлющий контроль. Соответственно, международная обстановка (МО) и стратегическая обстановка (СО), формирующиеся при такой политике конфронтации, несут на себе все черты силового противоборства локальных цивилизаций и стоящих за ними наций. Граница применения силы — очень условна, размыта и не совпадает с вооруженной борьбой.

Таким образом, современная МО является производной от этой межцивилизационной борьбы, а ее многочисленные субъективные сценарии и их варианты могут отражать многообразие субъективных и конкретных ситуаций, существующих в рамках единственной парадигмы — усиливающейся бескомпромиссной межцивилизационной борьбы.

3а) Логика формирования вероятных сценариев развития международной обстановки в XXI веке

На рубеже первых двух десятилетий XXI века в эволюции международно-политической системы завершается переходный период. Речь идет о переходе от биполярности к постбиполярности³

Авторы Стратегического глобального прогноза 2030

Развитие сценариев МО в XXI веке вызывает бесконечные споры, которые в конечном счете сводятся к признанию правомерности монополии США и западной ЛЧЦ на мировую власть или рассуждениям о возможности поставить эту власть под сомнение. По сути, все конфликты конца XX — начала XXI века связаны с этим вопросом. Особенно наглядно он проявился на Украине, в 2014–2015 годах, где трудно внятно объяснить мотивы ожесточенной войны, в которых с обеих сторон участвуют русские.

Однако такое объяснение многим политикам и ученым казалось слишком «простым». Они полагали, что, если сценарий развития МО, называвшийся «биополярным», исчерпал себя к 90-м годам XX века, то «постбиполярный» сценарий теоретически мог развиваться по самым различным возможным вариантам, вероятность которых определялась многими факторами, но прежде всего интересами США и западной ЛЧЦ, которая восприняла «уход СССР» как поражение единственного достойного противника. Во многом это было даже заранее предсказано: существовавшие тенденции в МО до 1990-х годов получили свое

³ Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант / под ред. акад. А. А. Дынкина, ИМЭМО РАН. М. : Магистр, 2011. С. 225.

дальнейшее развитие в последующие 20 лет в полном соответствии не только с теоретическими концепциями, но и политическими планами.

«Биполярный» сценарий холодной войны трансформировался в «постбиполярный», а точнее — «однополярный», где откровенно господствовали США. Но если «биполярный» сценарий предполагал стратегию холодной войны, то «постбиполярный» — уже более системную и решительную стратегию сетцентрической войны, причем с самого начала, т. е. после завершения существования ОВД и СССР, а еще точнее — даже до этого, как продолжение холодной войны на ее новом цивилизационном этапе и геополитическом уровне. По сути дела, уничтожение России и ее расчленение рассматривалось как завершение последнего этапа холодной войны, который не закончился с распадом ОВД и СССР.

В самом общем виде логика формирования возможных сценариев МО, исходя из этой, на мой взгляд, единс-

Рис. 33

твенно верной посылки, может быть показана на рисунке (рис. 33).

Если сегодня мы имеем общее представление о парадигме развития МО № 1 и можем более или менее точно экстраполировать ее развитие на среднесрочную перспективу (хотя и первое, и второе мы делаем субъективно и достаточно условно), то парадигма № 2 в развитии ЛЧЦ, МО и ВПО для нас остается до сих пор еще неизвестной, неизученной даже в самых общих чертах. Более того, попыток ее сформулировать (если не считать традиционные институты — ООН и др.) — даже не наблюдается.

Мы не знаем сути и характера парадигмы № 2. Более того, мы даже не знаем, может ли она существовать в действительности, а не в тех декларируемых намерениях, о которых хорошо известно, но которые себя во многом дискредитировали. Вместе с тем мы достаточно много знаем о парадигме № 1 и всех этапах ее развития, которые привели в конечном счете к появлению современной формы развития МО через превращение ее в СО сетцентрической войны.

Примечательно, что обе стадии развития МО формально являются мирными: войны не объявляются, дипломатические отношения не прерываются, но на всех этапах активно используются силовые и вооруженно-силовые компоненты. Фактически последние этапы развития сценария МО — это этапы развития ВПО и даже перехода ее в СО, который формально таковым

не считается. Война идет, но она не объявлена. Так, на Украине 2014–2015 годов нередко было непонятно состояние того или иного населенного пункта, или объекта, или группы лиц.

Важно изначально еще раз повторить, что точно прогнозировать состояние СО, войны и конфликта в современную эпоху как отдельные конкретные социально-политические явления практически невозможно, хотя и крайне необходимо. Однако можно предсказать многие тенденции и их последствия, ведущие к формированию современной СО, войнам и конфликтам. Эти тенденции могут анализироваться и прогнозироваться на долгосрочную перспективу, как, впрочем, и вытекающие из них некоторые возможные сценарии развития МО. В частности, можно говорить о постепенной трансформации МО в ВПО и СО без формальных признаний и заявлений на этот счет.

Особенно важное значение приобретает в этой связи развитие отношений между ведущими ЛЧЦ, в данном случае — между западной и китайской, которые определяют основной характер МО уже в среднесрочной перспективе. Это хорошо видно на примере долгосрочного прогноза двух базовых показателей — ВВП государств и душевого ВВП ведущих стран до 2030 года. Так, если верить прогнозу, то ВВП США и КНР могут практически сравняться к 2030 году (хотя, по данным ВБ, это уже произошло в 2014 году по ППС). Соответственно, для МО 2030 года это будет означать, что два мировых центра силы будут формировать мировую повестку дня, а с точки зрения господствующего сценария противоборства цивилизаций (парадигма № 1) это будет означать неизбежный конфликт в борьбе за влияние в мире. Этот конфликт и будет сутью развития сценария ВПО в мире в 2020–2030 годах, хотя его конкретное содержание, выраженное в СО, в 2030 году может быть очень разным — от военного конфликта с использованием СЯС до применения невооруженных средств ведения войны. Вероятнее всего,

СО будет находиться в состоянии крайнего напряжения и характеризоваться многочисленными региональными и локальными войнами, ведущимися «на фоне» большой сетецентрической войны локальных цивилизаций. Другими словами, МО будет характеризоваться средствами, способами и критериями, которыми сегодня характеризуется стратегическая обстановка (СО), т. е. «формула» международных отношений приобретет вид:

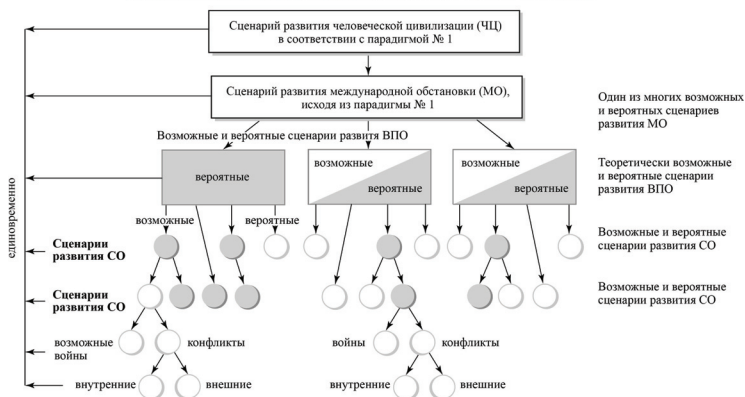
$$\text{МО} = \text{ВПО} = \text{СО}$$

Парадокс этой формулы «МО — ВПО — СО» заключается в том, что уже на стадии формирования того или иного сценария развития МО в него изначально закладывается силовой и даже военный компонент, т. е. СО, как состояние вооруженной борьбы, становится частью сценария МО, который традиционно рассматривается в разных, в т. ч. мирных, вариантах. На рисунке ниже показано, что в действительности одновременность формирования сценария МО происходит параллельно с силовыми и даже военными компонентами, которые предполагают не только возможности, но даже вероятность (неизбежность?) применения силы.

Как видно из логической схемы (рис. 34), все многочисленные сценарии развития МО, как возможные, так и вероятные, исходят из единого конфликтного сценария развития отношений между локальными человеческими цивилизациями, который мы назвали парадигмой № 1. История человечества пока что не знает сколько-нибудь продолжительных периодов развития локальных цивилизаций в рамках иной парадигмы. Никакие обстоятельства и договоренности не препятствовали накоплению энергии конфликта и в конечном счете самому конфликту. В лучшем случае все попытки политического решения спорных вопросов позволяли выиграть время для лучшей подготовки к войне.

Рис. 34⁴

Логическая схема развития возможных и вероятных сценариев стратегической обстановки исходя из сценария противоборства локальных цивилизаций и развития МО и ВПО до 2021–2024 годов

Вместе с тем существует множество возможных (хотя и не всегда очень вероятных) сценариев развития человеческой цивилизации и МО, которые можно отнести к категории «общечеловеческих». Так, в целях иллюстрации можно привести 10 таких сценариев, которые в конечном счете потребуют объединения усилий всех ЛЧЦ. Само их существование говорит о том, что возможна иная парадигма. Речь, в частности, идет о следующих сценариях, причем их даже относят к категории «наиболее вероятных»⁵.

Восстание машин. Истории про бунт роботов появились значительно раньше, чем сами роботы. Исследования в области создания универсального искусственного интеллекта ведутся уже 50 лет. Боевые дроиды — уже не фантастика, а штатная армейская единица. Смартфоны достаточно умны, чтобы заменять секретарей в планировании встреч

⁴ Подберезкин А.И. Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития. М.: МГИМО–Университет, 2014. С. 58.

⁵ 10 наиболее вероятных сценариев апокалипсиса [Электронный ресурс]. URL : <http://smartsourcing.ru/blogs/kurilka/1843>

или резервировании билетов. Да и имитация человеческого поведения тоже хорошо удается. Вы еще не пробовали поговорить со своим телефоном? Осталось добиться самознания, требований признания прав разумных роботов, ну а потом, конечно, создания SkyNet или Матрицы. С каждым днем все больше устройств подключаются к Глобальной сети и уже в ближайшем будущем в Интернете среди пользователей будет больше машин, чем людей.

Ядерная война. Самый реалистичный сценарий для конца современной цивилизации. Вы думаете, что это страшилка из 1980-х? Но с тех пор во всех странах, кроме России, ядерное оружие только совершенствовалось, да и у нас боевое дежурство на пусковых установках пока не закончилось. В мире более 25 тыс. ядерных боеголовок. Стенфордский профессор Мартин Хеллман оценивает риски начала ядерной войны в 10% — каждый год мир стоит на грани ядерной войны.

Шансы на то, что произойдет иницилирующее событие (атака террористов, политический кризис, провокация, технологический сбой и т. п.), — 6% в год.

Вероятность того, что иницилирующее событие приведет к большому конфликту, — 33%.

Шансы на глобальный кризис — до 50%.

Наноапокалипсис. Увлечение нанотехнологиями не столь безобидно, как кажется. В фантастике нанотехнологический конец света начинается с создания самовоспроизводящихся наноустройств, которые все вокруг способны переработать в некротферу. В 1964 году Станислав Лем в романе «Непобедимый» описал некротферу — мир, уничтоженный самовоспроизводящимися микромашинками. В 1986 году Эрик Декслер придумал «серую слизь», состоящую из самовоспроизводящихся устройств наноразмеров. Первоначально Декслер утверждал, что без создания самореплицирующихся устройств в нанотехнологиях не обойтись, впрочем, позже он доказал, что подобные устройства

слишком сложны и дешевле производить наномашинны на макрофабриках. Впрочем, «серая слизь» все еще остается исключительно эффективным видом оружия. Не так безобидны и менее фантастические варианты нанотехнологий: наночастицы, используемые в современных материалах, часто являются биологически активными и чрезвычайно токсичными.

Пандемия. Ежегодно биосфера преподносит нам сюрпризы. Более 7 млрд людей, промышленное животноводство, множество факторов, способствующих мутациям, — все это отличная среда для появления смертельно опасных вирусов. Вирус гриппа мутирует ежегодно, так что у людей не образуется устойчивого иммунитета в результате перенесенной болезни. В 1918–1919 годах от гриппа умерло до 50 млн людей. В XX веке счет жертв в некоторых пандемиях гриппа шел сотнями тысяч и даже миллионами. Надеяться на современные лекарства не стоит, эффективность противовирусных средств невелика, и более-менее эффективный результат дают только вакцины, которые способствуют выработке у человека иммунитета против специфических штаммов вируса. Никто не знает, насколько эффективна будет следующая мутация вируса. Кстати, этот сценарий наиболее вероятен для еще одного сюжета фильмов-ужасов: зомби-апокалипсис — может быть, ожившие мертвецы — это слишком, но некоторые болезни вполне способны вызывать маниакальный бред, галлюцинации и агрессивное поведение.

Столкновение Земли с крупным астероидом. Вероятность события — 1 к 700 000. Еще один впечатляющий сценарий для фильмов-катастроф. К счастью, со времен динозавров самые угрожающие небесные булыжники пролетали рядом. Туринская шкала (Torino Impact Hazard Scale) — это таблица, показывающая степень опасности, исходящей от определенного небесного объекта: 0 — вероятность столкновения с Землей предельно низкая, 10 — столкновение

неизбежно. В 2004 году 270-метровый астероид 2004MN4 Апофис получил 4 по Туринской шкале: по данным вычислений, вероятность столкновения с Землей составляла более 1%, последующие наблюдения угрозу не подтвердили, но на минимальном расстоянии от Земли он будет только в 2029 году. В 2011 году 400-метровый астероид пролетел мимо Земли ближе, чем Луна. В 2009 году 7-метровый астероид разминулся с Землей всего на 14 000 км, а падение подобного объекта вполне эквивалентно ядерному взрыву в несколько мегатонн и не обязательно, что он упадет в безлюдной тайге, как Тунгусский метеорит. И все же стоит помнить о том, что в исторической перспективе крупные астероиды, которые могли получить 10 по Туринской шкале, уже были. Конечно, то, что должно было упасть на нашу планету, упало на нее миллионы лет назад, но в космосе еще много крупных булыжников. Радует только то, что при появлении крупного объекта, способного нанести вред Земле, астрономы с большой вероятностью засекут его за несколько лет, и, может быть, к нему навстречу даже вылетит отряд брьюсоуиллисов.

Взрыв сверхновой. Президент Путин на своей пресс-конференции 20 декабря 2014 года пообещал, что подобный сценарий не реализуется еще 4,5 млрд лет. Проблема только в том, что Земле может угрожать и взрыв сверхновой в соседних звездных системах. Есть даже предположение, что конец света, предсказанный майя, означает превращение в сверхновую звезды Бетельгейзе. Впрочем, о том, что произошло на Бетельгейзе, мы узнаем только через 600 лет. Хотя последствия более близкого взрыва сверхновой действительно могут нанести вред Земле. На расстоянии 16 световых лет от Солнца находится более 50 звезд. Превращение в сверхновую такой звезды, конечно, не разорвет Землю на части, но поток частиц может уничтожить озоновый слой и создать опасный уровень радиации. Впрочем, более вероятен

сценарий прилета из соседней звездной системы зеленых инопланетян, которые уничтожат человечество (да, это тоже вполне вероятный сценарий).

Гамма-всплеск. Вероятность — 1 к 14 000 000. Пока астрономы наблюдают гамма-всплески только в отдаленных галактиках. Это самые масштабные выбросы жёсткого электромагнитного излучения, наблюдаемые астрономами. Предположительно источником гамма-всплесков могут быть сверхкрупные сверхновые, слияния нейтронных звезд или другие процессы. Если такой всплеск гамма-излучения произойдет в нашей галактике, то это действительно может погубить все живое на Земле или как минимум вызвать масштабные мутации в биосфере. По одной из версий, именно попадание Земли под гамма-всплеск запустило процесс появления жизни на нашей планете. В среднем в Галактике наблюдается 1 гамма-всплеск в миллион лет, так что особой необходимости в приобретении противорадиационного костюма нет.

Инверсия магнитного поля Земли. Еще один сценарий, который могли предсказать майя на 2012 год. Изменение направления магнитного поля Земли последний раз произошло 780 тыс. лет назад. Исследования показывают, что подобное событие в течение миллиона лет происходит несколько раз, и такое длительное затишье, как сейчас, для нашей планеты не слишком типично. А главное, пока нет предположений, что может вызывать смену полюсов. При смене полюсов, из-за ослабления магнитосферы Земли, космическое излучение достигает поверхности и поражает живые организмы. Миллион лет назад дело ограничивалось гибелью некоторых особей и видов, а также мутациями в последующих поколениях. Сегодня подобное событие станет инициатором множества техногенных катастроф или даже иницилирующим событием для ядерной войны.

Супервулканы. Современная вулканическая активность очень незначительно влияет на климат Земли, и это при том,

что вулканы даже сейчас выбрасывают в атмосферу больше углекислого газа, серы и пепла, чем в нее попадает в результате человеческой деятельности. Однако даже незначительное изменение вулканической активности способно разрушить нормальную работу авиатранспорта на половине земного шара. Пепел вулкана Эйяфьятлайокудль привел к временным перебоям в авиаперевозках от Америки до Западной Сибири. Супервулканы производят намного более мощные извержения. 74 тыс. лет назад извержение вулкана Тоба на Суматре уже поставило человечество на грань вымирания. Тогда выжило около 10 тыс. человек: представьте, что сейчас от всего человечества останется один небольшой городок. Сегодня наибольшую угрозу представляет вулкан Йеллоустоун в США, который молчит уже около 600 тыс. лет. Некоторые вулканологи считают, что его извержение может начаться в ближайшие 60 лет. Жертвами такого извержения станут миллионы людей по всему миру. При всех научных ляпах фильма «2012» последствия извержения в Йеллоустоуне в нем показаны вполне достоверно.

Новый ледниковый период. Солнце пока на максимуме активности, поэтому естественное остывание Земле не грозит. Наоборот, планета становится все теплее. Однако ядерная война, супервулкан, падение астероида — все это сценарии, которые могут привести к началу нового ледникового периода. Стоит вспомнить о том, что не так давно по геологическим меркам вся Европа была под таким же слоем льда, как и Антарктида. А в XIV–XVIII веках («малый ледниковый период») морозы и снег не были чем-то необычным в европейских странах, Балтийское море зимой замерзло, ну а в России птицы замерзали на лету.

В XXI веке МО стала существенно хуже, сложнее и неопределеннее, чем во многие другие периоды развития локальных цивилизаций. Откровенные попытки одной из локальных цивилизаций силовым способом сохранить некоторым

странам право на неприемлемые нормы поведения, правила и систему ценностей привели к тому, что эта цивилизация вступила в продолжительный период войны за сохранение своего господства. Именно так следует характеризовать сетцентрическую войну. Впервые, пожалуй, за всю историю человечества никто точно не знает, когда была начата эта война, каковы будут ее конечные точные цели, каков масштаб, интенсивность, какие вооруженные силы и как они будут использоваться.

Пока что соотношение сил сложилось в пользу западной локальной цивилизации, и она будет стремиться его сохранить посредством опережающего развития науки и технологий, и военной мощи. Очевидно и другое, а именно: подобная ставка означает открытое стремление сохранить в будущем военное превосходство и угрозу тем цивилизациям и нациям, которые с этим не согласятся. В этом смысле военный конфликт на Украине 2014–2015 годов был очень показателен; это в действительности была военная фаза существующего в рамках сетцентрической войны конфликта между локальными цивилизациями — западноевропейской и российской, но это был одновременно и один из сценариев развития международной обстановки в XXI веке.

36) Возможные сценарии развития международной обстановки в XXI веке

Будущее — это сознательный выбор вероятных сценариев из неограниченного множества возможных.

А. Подберезкин, профессор МГИМО

Реальная многополярность предполагает более сбалансированное международное распределение богатств, а также трансформацию международных институтов — ООН, МВФ, ВБ и других⁶.

Российские эксперты

Необходимо четко отличать теоретически возможные и вероятные сценарии развития международной обстановки (МО). Существует большое, даже неограниченное количество теоретически возможных сценариев развития МО на долгосрочную перспективу — от инерционно-традиционных, известных до качественно новых, вытекающих из неожиданного появления новых парадигм в развитии человеческой цивилизации. В зависимости от того, какие факторы принимаются в качестве основных — политические, экономические, технологические, военные, иные, описываются сотни и тысячи сценариев и тенденций, изменений, существующих внутренних последствий и т. п. Учесть их все невозможно, а прогнозировать бессмысленно.

Совершенно другое дело, если попытаться отобрать из этого бесчисленного количества сценариев только наиболее вероятные, т. е. те, которые скорее всего и будут реализованы. Надо понимать, что в итоге должны остаться несколько,

⁶ Аладьин В., Ковалев В., Малков С. Пределы сокращения: доклад российскому ин-теллектуальному клубу / отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2013. С. 105.

может быть, один–два вероятных сценария развития МО, которые и нужны нам для долгосрочного прогноза.

Кроме того, нужно помнить, что сценарии развития МО не только концентрируют в себе основные тенденции и важнейшие факторы, влияющие на развитие МО, но и позволяют акцентировать внимание на ключевых детерминантах и возможных поворотных пунктах мирового развития, что, собственно, и является, как отмечает справедливо академик А. Дынкин, «сверхзадачей» стратегического прогноза⁷.

Другими словами, практическое значение работы над сценариями развития МО огромно. С точки зрения долгосрочного прогноза такая работа позволяет:

- выделить перечень возможных сценариев развития МО, который может быть очень большим, но, тем не менее, он все равно будет ограниченным, предоставлять конечное число вариантов развития международной обстановки;
- вычленив из перечня возможных сценариев развития МО ограниченное количество сценариев, имеющих наиболее вероятный характер. По большому счету, таких сценариев может быть один-два, может быть, три;
- показать доминирующие тренды и тенденции, формирующие международную обстановку в настоящее время и, возможно, в будущем.

Так, исходя из уже сказанного выше можно предположить, что основным сценарием развития МО в среднесрочной перспективе до 2021–2025 годов будет конфликтный сценарий, при котором западная локальная цивилизация будет стремиться с помощью финансово-экономических, социальных и военных силовых средств обеспечить себе сохранение контроля над основными регионами и процессами в мире.

⁷ Дынкин А. А. Предисловие // Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант / под ред. акад. А. А. Дынкина, ИМЭМО РАН. М. : Магистр, 2011. С. 75.

Учитывая относительное падение мощи западной ЛЧЦ, эта политика может быть реализована только в том случае, если:

- удастся сохранить военно-экономическую коалицию Запада (и «систему ценностей») относительно других государств;
- удастся сохранить технологическое и военно-техническое превосходство над остальными ЛЧЦ;
- не допустить других коалиций и стабилизации военно-политической обстановки на планете и в отдельных регионах. «Контрольный пакет» Запада должен сохраняться при уменьшении его относительного объема (изменения соотношения сил) за счет управляемого хаоса и дестабилизации.

Этот сценарий может иметь как минимум три варианта своего развития в зависимости от внешних условий, что можно показать на логической схеме следующим образом.

Рис. 35

Подобная стратегия в отношении России бескомпромиссна по своим целям, хотя и может отличаться по своим средствам, среди которых для США желательно было бы избежать наиболее острых форм военного противоборства. Сути (цели) это не меняет.

Рис. 36

Одна из карт возможного раздела России

Источник: *Тимесков А.* Маккейн жестко критикует Меркель за визит к Путину / «Эхо Москвы». 2015. 7 февраля [Электронный ресурс]. URL : <http://www.echo.msk.ru/blog/timeskhan/1488758-echo/>

Важно отличать в этой связи «возможные» сценарии развития МО от «вероятных», а тем более «наиболее вероятных», которые собственно и должны лечь в основу прогнозов. Если первых могут быть сотни, вторых — десятки, то третьих — единицы. Для этого есть основания. Многие факторы и тенденции развития МО являются достаточно стабильными, изменяются медленно. Так, например, географическое положение, запасы природных ресурсов, естественные транспортные коридоры, климат и др. геополитические факторы меняются медленно и их можно отнести к «стабильным факторам», формирующим сценарии МО. Если их основательно проанализировать, то можно в конечном счете отобрать несколько вероятных сценариев развития МО, основанных на анализе и прогнозе больших объемов информации.

Другие факторы — демографические, инфраструктурные, основные фонды, военная мощь и др. — меняются быстрее, чем «стабильные факторы», и их можно назвать «переменными величинами». Их анализ также имеет огромное значение. Их изменения оказывают незначительное влияние в среднесрочной перспективе, но могут качественно повлиять на развитие МО в долгосрочной перспективе. Поэтому предполагается, что анализ и прогноз этих факторов позволит существенно корректировать представление о развитии тех или иных сценариев МО.

Наконец, есть третья группа наиболее «динамичных факторов», к которой можно отнести уровень развития науки, технологий, конкретных компонентов военной мощи, информатики и связи, других прикладных отраслей технологий и обрабатывающей промышленности. Эта группа факторов влияет на формирование МО уже в среднесрочной перспективе до 10 лет. Так, СССР провел индустриализацию, за 1930–1940 годы создав промышленный фундамент, по сути, заново. С 1944 по 1949 год была создана атомная промышленность, а с 2013 по 2018 год в России планируется провести программы импортозамещения.

В целом для выделения из числа возможных сценариев одного–двух наиболее вероятных необходимо использовать принципиальные этапы, о которых говорилось выше в изучении трех групп факторов — мировых и региональных тенденций, международных факторов и негосударственных акторов — под углом зрения возможных изменений. Подобный подход укладывается в простую матрицу исследования, которую, естественно, требуется детально конкретизировать применительно к вероятному сценарию.

Как видно из матрицы, только по одному из сценариев возможен анализ очень большого числа факторов. Так, например, в первой группе (основные тенденции мирового и регионального развития) можно выделить десятки и сотни

Матрица анализа и прогноза одного из вероятных сценариев развития МО в среднесрочной и долгосрочной перспективе

Основные группы факторов	Современное состояние (статус)	Прогноз на среднесрочную перспективу	Прогноз на долгосрочную перспективу	Качественно новые факторы
1. Мировые тенденции	«Стабильные факторы»	«Стабильные факторы»	«Стабильные факторы»	«Стабильные факторы»
	«Переменные факторы»	«Переменные факторы»	«Переменные факторы»	«Переменные факторы»
	«Динамичные факторы»	«Динамичные факторы»	«Динамичные факторы»	«Динамичные факторы»
2. Развитие основных (100) участников МО	«Стабильные факторы»	«Стабильные факторы»	«Стабильные факторы»	«Стабильные факторы»
	«Переменные факторы»	«Переменные факторы»	«Переменные факторы»	«Переменные факторы»
	«Динамичные факторы»	«Динамичные факторы»	«Динамичные факторы»	«Динамичные факторы»
3. Развитие негосударственных акторов МО	«Стабильные факторы»	«Стабильные факторы»	«Стабильные факторы»	«Стабильные факторы»
	«Переменные факторы»	«Переменные факторы»	«Переменные факторы»	«Переменные факторы»
	«Динамичные факторы»	«Динамичные факторы»	«Динамичные факторы»	«Динамичные факторы»

относительно «стабильных», «переменных» и «динамических» факторов, которые должны быть рассмотрены как в их современном состоянии, так и в будущем — среднесрочном и долгосрочном.

Если обратиться к примеру из второй группы факторов (100 основных государств — участников МО), то каждое государство следует рассматривать как минимум с точки зрения 10 основных подгрупп (экономика, финансы, демография, промышленность и т. д.), в каждой из которых будет как минимум 10 показателей и критериев.

Таким образом, в итоге предполагается, что наиболее вероятный сценарий развития МО будет обоснован с точки зрения всех основных факторов развития в динамике.

3в) Наиболее вероятные сценарии развития международной обстановки в XXI веке: необходимость научной концепции

...без понимания причин и движущих сил любого вооруженного конфликта, остановить его невозможно⁸.

С. Глазьев, академик

Существующая архитектура (система) международной безопасности не обеспечивает равной безопасности всех государств⁹.

Военная доктрина России

Выше мы определили основной алгоритм работы по анализу и прогнозу развития сценариев МО с точки зрения сбора и систематизации информации. Матрицы, которые заполнены максимально полно, могут дать достаточно полную эмпирическую картину состояния и развития МО.

⁸ Глазьев С. Ю. Украинская катастрофа: от американской агрессии к мировой войне? М.: Книжный мир, 2015. С. 23.

⁹ Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Президентом РФ В. Путиным 26 декабря 2014 г. [Электронный ресурс]. URL : <http://www.kremlin.ru/>

Эта информация, однако, окажется бесполезной, если она не будет вписана в некую реалистическую концепцию развития сценария международной обстановки. Простой набор факторов мало что даст для прогноза. Без такой концепции, без идеи и общего подхода даже массивная систематизированная информация окажется бесполезной: нужно обозначить логику и взаимосвязь политических процессов, их взаимозависимость и взаимовлияние.

Таким образом, принципиально важно выстроить логическую модель сценария развития МО с необходимым обоснованием и аргументацией. Недостаточно «просто» написать сценарий, снабдив его массой фактов и цифр. Нужно обосновать его реалистичность, т. е. вероятность реализации в конкретный временной период.

Конечная практическая ценность анализа и прогноза заключается в выделении наиболее вероятного сценария развития МО, в соответствии с которым и будет формироваться государственная доктрина и стратегия.

Уже говорилось, что есть принципиальная разница между исследованием возможных и вероятных сценариев развития МО, которая заключается в том, что возможных сценариев может быть очень много, а вероятных — один-два¹⁰. Более того, в конечном счете скорее всего вероятных сценариев окажется не больше одного-двух, а реализован будет только один. Проблема, таким образом, заключается в том, чтобы заранее, по возможности задолго, выделить такой единственный наиболее вероятный сценарий, чтобы наилучшим образом к нему подготовиться. Так, например, в феврале 2012 года в качестве вероятного сценария В. Инюшиным предлагался сценарий мировой войны в борьбе за лидерство в исламской глобализации. За 3–4 прошедших года, как видно, этого не произошло, т. е. не произошло перехода

¹⁰ Подберезкин А. И. Военные угрозы России.

из теоретически возможного (по мнению автора) состояния в практически вероятное.

Этот переход (точнее — возможность), как представляется, и является наиболее важным фактом для исследования любых сценариев развития МО. В настоящее время с практической точки зрения мы должны говорить о двух моделях сценариев развития МО:

- для среднесрочной перспективы до 2021–2025 годов;
- для долгосрочной перспективы до 2045–2050 годов XXI века, которые будут принципиально отличаться друг от друга возможностью смены парадигм развития как всего человечества и ЛЧЦ, так и отдельных наций и государств. Это означает, что в предлагаемой матрице анализа и прогноза одного из сценариев развития МО, по сути, заложены две разные модели, хотя формально они и сосуществуют в единой матрице: прогноз на долгосрочную перспективу предполагает, что удельный вес «переменных факторов» и «динамичных факторов» будет существенно выше, чем «стабильных факторов». Более того, вполне допустимо, даже неизбежно, что появятся принципиально новые факторы, которые пока неизвестны или имеют слишком слабое значение.

Таким образом, если мы ставим задачу поиска вероятных сценариев развития МО, то мы фактически делим матрицу «вероятного сценария» на две. При этом, говоря о долгосрочной перспективе, мы должны акцентировать внимание не только на имеющейся информации, но и на том, что только еще может быть в будущем, т. е. на футурологии.

Таким образом, анализируя наиболее вероятные сценарии развития МО в XXI веке, следует исходить из нескольких оснований, которые должны обеспечить научную обоснованность прогнозов, а также их моделей.

Во-первых, следует исходить из того, что среднесрочный прогноз (до 2021–2025 годов) можно основывать на предпо-

Матрица анализа и прогноза одного из вероятных сценариев развития МО в среднесрочной и долгосрочной перспективе

Основные группы факторов	Модель сценария № 1		Модель сценария № 2	
	Современное состояние (статус)	Прогноз на среднесрочную перспективу	Прогноз на долгосрочную перспективу	Качественно новые факторы
1. Мировые тенденции	«Стабильные факторы»	«Стабильные факторы»	«Стабильные факторы»	«Стабильные факторы»
	«Переменные факторы»	«Переменные факторы»	«Переменные факторы»	«Переменные факторы»
	«Динамичные факторы»	«Динамичные факторы»	«Динамичные факторы»	«Динамичные факторы»
2. Развитие основных (100) участников МО	«Стабильные факторы»	«Стабильные факторы»	«Стабильные факторы»	«Стабильные факторы»
	«Переменные факторы»	«Переменные факторы»	«Переменные факторы»	«Переменные факторы»
	«Динамичные факторы»	«Динамичные факторы»	«Динамичные факторы»	«Динамичные факторы»
3. Развитие негосударственных акторов МО	«Стабильные факторы»	«Стабильные факторы»	«Стабильные факторы»	«Стабильные факторы»
	«Переменные факторы»	«Переменные факторы»	«Переменные факторы»	«Переменные факторы»
	«Динамичные факторы»	«Динамичные факторы»	«Динамичные факторы»	«Динамичные факторы»

ложении о дальнейшем развитии уже существующих — известных или незамеченных пока — тенденций, которые развиваются из предыдущих состояний в рамках современной парадигмы развития человеческой цивилизации. При всей

разнице между «стабильными», «переменными» и «динамичными» факторами и тенденциями.

Во-вторых, стратегический прогноз на долгосрочный период (до 2045–2050 годов) предполагает, что должна произойти смена основных парадигм, т. е. в основных областях человеческой деятельности произойдут качественные, «фазовые» изменения. Таким образом, не только существующие ныне, но и новые явления лягут в основу этого сценария. Так, например, по мнению футурологов, «за последние годы человечество накопило больше знаний, чем за всю свою историю. А скорость обмена знаниями выросла в тысячи раз и продолжает расти. Именно этот фактор дает основания говорить о том, что в ближайшие десятилетия произойдут фундаментальные открытия в области науки и техники. По степени влияния это можно сравнить с эпохой Великих географических открытий»¹¹. Какие «фундаментальные открытия», в какой области и когда произойдут — прогноз не объясняет, подчеркивая лишь их огромное значение.

Понятно, что по мере удаления от сегодняшнего дня вероятность любого прогноза падает из-за усиления влияния переменных и появления новых факторов. Тем более это справедливо для любого сценария долгосрочного прогноза, в прогнозе где влияют тысячи факторов. Но даже в краткосрочных прогнозах, например МЭР РФ за 2014, были огромные расхождения.

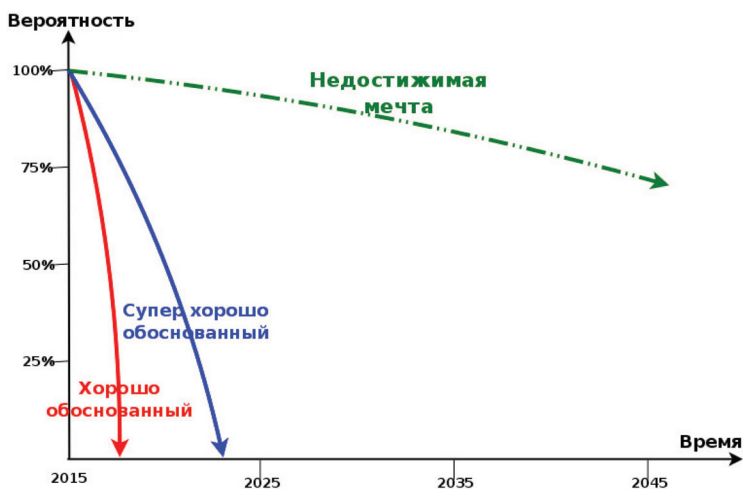
В этой связи интересно, как быстро вероятность осуществления прогнозов падает со временем?

Некоторые ученые считают, что если принять, что «прогноз», который мы делаем сегодня на сегодня, сбывается с вероятностью 100%, то иллюстрация «сбычи мечт» на

¹¹ Бенси Дж. Между сущим и грядущим // Независимая газета. НГ-сценарии. 2015. 27 января. С. 14.

перспективу может выглядеть так¹². Другими словами, модель № 2 развития сценария МО (долгосрочный прогноз) уже изначально выглядит как «недостижимая мечта», с чем вряд ли можно согласиться (рис. 37).

Рис. 37. Модель вероятности прогноза

Важно повторить, что в первом случае (среднесрочного прогноза) основным методом объективного исследования выступает экстраполяция, однако она не исключает, более того, предполагает анализ возможных качественных перемен, учет «переменных» и «динамичных» факторов, а главное — научно обоснованную логику модели сценария такого прогноза.

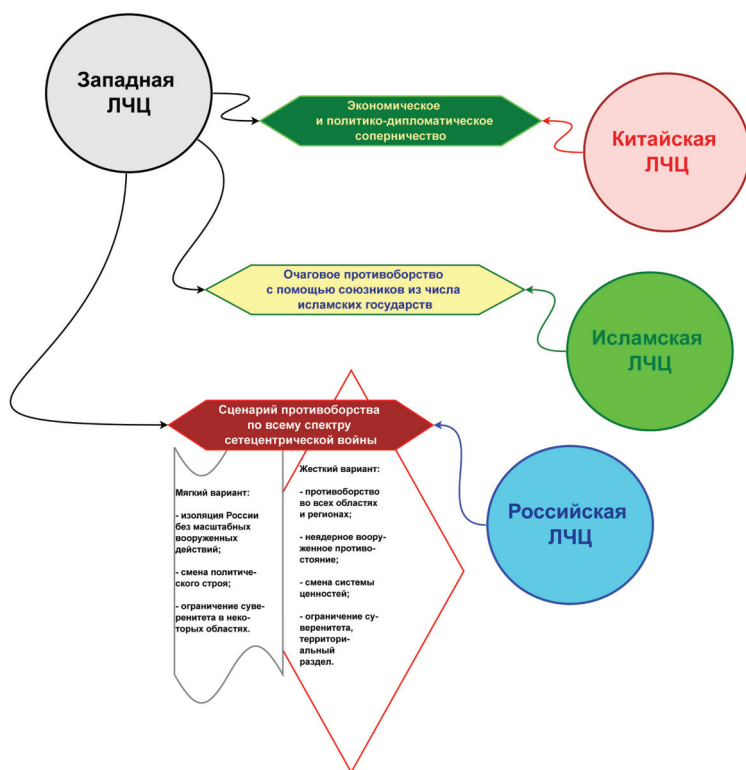
Во втором случае (долгосрочного прогноза) используется как метод экстраполяции, так и футуристический прогноз формирования новых парадигм. Так, известно, что некоторые системы оружия находятся на вооружении уже более 50 лет

¹² Вероятность совпадения прогнозов, основанных на трендах, с реальностью [Электронный ресурс]. URL : <http://prognoz.eurasian-defence.ru/node/70918> (дата обращения: 27.01.2015).

и после многочисленных модернизаций могут еще некоторое время находиться на вооружении (ТБ В-52 или вертолеты МИ-8, например). Более того, планируемые сегодня системы ВиВТ в ряде случаев уже нацелены на то, чтобы поступить в ВС только в 50-е годы XXI века. Это означает, что метод экстраполяции вполне приемлем.

Вместе с тем очевидно, что уже в среднесрочной перспективе могут появиться качественно новые системы ВиВТ (или

Рис. 38. Логическая схема наиболее вероятного сценария развития МО и его основных вариантов в среднесрочной перспективе до 2021–2025 гг.

качественно модернизированные), которые могут повлиять революционным образом на все военное искусство и ВПО в мире. Но еще более вероятно, что появятся качественно новые системы управления, связи и разведки.

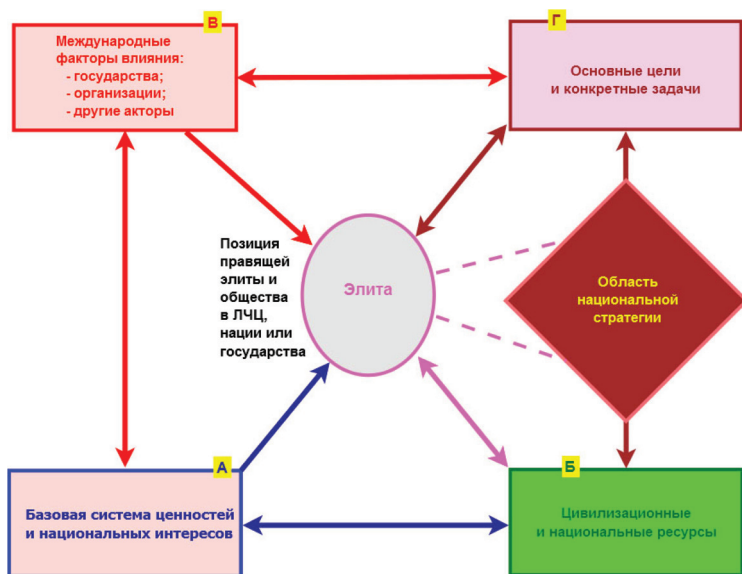
В-третьих, если теоретически возможных сценариев развития МО может быть множество, то вероятных сценариев развития МО может быть всего несколько. Более того, исходя из того, что такой сценарий развития МО в среднесрочной перспективе может быть только один, хотя и в нескольких вариантах. При этом логическая схема такого сценария практически не меняется. На мой взгляд, логическая схема такого наиболее вероятного сценария развития МО, которую сегодня уже условно можно назвать «сетевитрической войной» против российской ЛЧЦ, может быть следующей (рис. 38).

Очень важно понимать, что в XXI веке меняется не только характер мирового политического процесса, но и его основные особенности, что в полной мере влияет на эволюцию развития международной обстановки. Главной особенностью второй половины XX — начала XXI века становится резкое усиление влияния внешних факторов международной обстановки на положение в отдельной локальной цивилизации или нации. При этом следует исходить из того, что традиционная модель мирового политического процесса не исчезает, но вес отдельных групп факторов меняется.

Из этого рисунка видно (рис. 39), что на политику отдельного государства (ЛЧЦ, нации), проводимую элитой и обществом, влияют самые разные группы факторов, в частности:

- прежде всего группа факторов «А»: национальная система ценностей и интересов, представление элиты о которых трансформируется в политические цели и задачи;
- группа внешних факторов (позиции отдельных стран, организаций, других акторов) и реалии МО;

Рис. 39. Традиционная модель политического процесса в мире

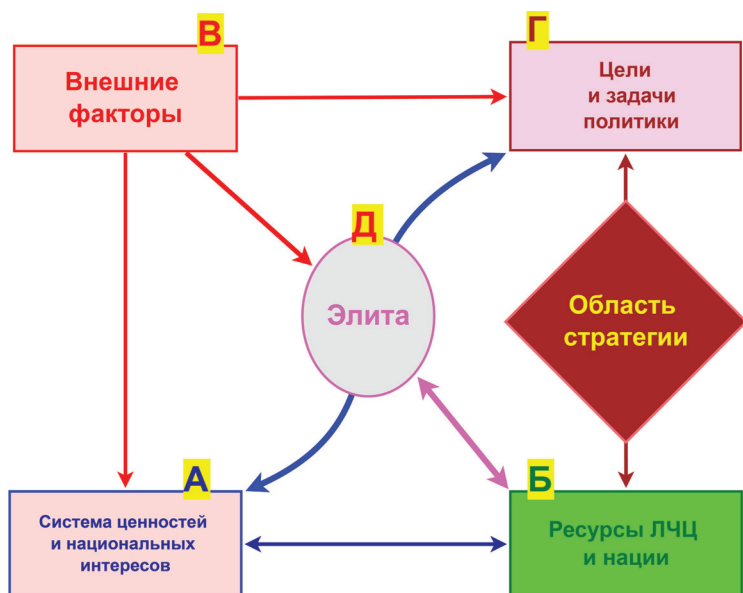
- объем потенциальных и реальных ресурсов — материальных, духовных, интеллектуальных, иных;
- а также сами политические цели и задачи, которые (будучи озвучены и даже частично реализованы) приобретают самостоятельную инерцию и субъектность.

История показывает, что в разные периоды времени активность и влияние этих четырех групп факторов на политику правящей элиты (общества) бывает разная. Как правило, группы факторов «А» и «Б» преобладают над другими факторами, но случается и так, что сформулированные цели и задачи приобретают самодовлеющую силу. Так, например, договоры о безопасности (в частности, Великобритании и Франции до Первой мировой войны) могут реализовываться даже в ущерб национальным интересам или требовать чрезмерных расходов национальных ресурсов.

Есть основания полагать, что в XXI веке группа факторов «В» (внешнее влияние) в силу глобализации и амбиций отдельных локальных цивилизаций приобрела решающее значение. Настолько, что предопределяет развитие группы факторов «А» (базовых ценностей и интересов), состояние и распределение национальных ресурсов — группа факторов «Б» — и даже понимание (осознание, анализ и прогноз) правящей элитой и обществом своих национальных и цивилизационных целей и задач.

Это означает, что внешние факторы могут воздействовать на ЛЧЦ, нацию и государство в одном направлении, более того, в направлении, целью которого может быть даже полное уничтожение такой ЛЧЦ, нации или государства.

Рис. 40. Основные направления и способы внешнего влияния (политики противоборства) в XXI веке

Для дальнейшего анализа и прогноза сценария развития МО до 2021–2035 годов требуется вернуться к логической схеме политического процесса применительно к России как одного из двух важнейших факторов противоборства, рассмотрев подробнее направления и способы такого внешнего влияния.

Из рисунка видно (рис. 40), что существуют три основных и два косвенных способа влияния на ЛЧЦ и нацию.

Основные способы влияния.

Вектор влияния на систему цивилизационных и национальных ценностей и интересов (вектор «В» — «А»), который в XXI веке становится основным направлением влияния и противоборства. Его целью является изменить в желаемом направлении систему ценностей и представление о национальных интересах, что требует определенного временного и материального ресурса. Так, коммунистическая система ценностей, лежащая в основе общества, экономики и государства, была трансформирована в основном за 1985–1995 годы, а русофобство стала доминирующей тенденцией на Украине за 20–25 лет.

Вектор влияния на правящую элиту и общество, целью которого является принудить («воспитать», «обучить», «заставить» и т. д.) правящую элиту и общество действовать так, как это необходимо внешнему фактору влияния (вектор «В» — «Д»). В частности, США и их союзники, например, в 2014 году приняли санкции против 120 представителей российской элиты (и частично против всего «верхнего слоя» общества) и нескольких десятков корпораций и организаций, что является ярким примером прямого давления.

В политике, однако, существует множество не столь ярких примеров внешнего влияния, которые объединяются общим термином «мягкая сила». Это влияние наименее рискованно и наиболее эффективно. Через влияние на элиту (вектор «В» — «Д») можно не только изменить ее состав

(как при М. Горбачеве, например, или при Б. Ельцине, когда проводились фактические люстрации), но и качество элиты и общества. Не секрет, что правящая элита России по своим качественным характеристикам — нравственности, профессионализму, патриотизму, образованию¹³ — становится год от года хуже и хуже.

Третий вектор внешнего влияния (вектор «В» — «Г») — основные цели и задачи, стоящие перед ЛЧЦ, нацией или государством. Эти цели и задачи можно:

- а) исказить,
- б) заменить ложными,
- в) заставить изменить и т. д.

Для того чтобы изменить в выгодном направлении цели и задачи политики, внешний фактор использует очень широкий набор средств влияния — от международного права до прямого применения военной силы.

Наконец, существуют два очень важных косвенных вектора внешнего влияния, конечной целью которых является изменение распределения национальных ресурсов. Во-первых, это происходит через вектор «В» — «А» — «В», когда меняется система базовых ценностей и представлений о национальных интересах в целях перераспределения ресурсов. Так, «универсализм» несовместим с культурным национальным ресурсом, секуляризация — с духовным, «международное пользование транспортными коридорами» — с национальным ресурсом воздушного, морского или наземного пространства (которые так же ограничены, как и природные ресурсы).

В еще большей степени внешнее влияние на перераспределение ресурсов происходит по вектору «В» — «Г» — «Б», когда производится подмена или замена национальных целей

¹³ Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. В 5 ч. Т. 1. М. : МГИМО–Университет, 2012.

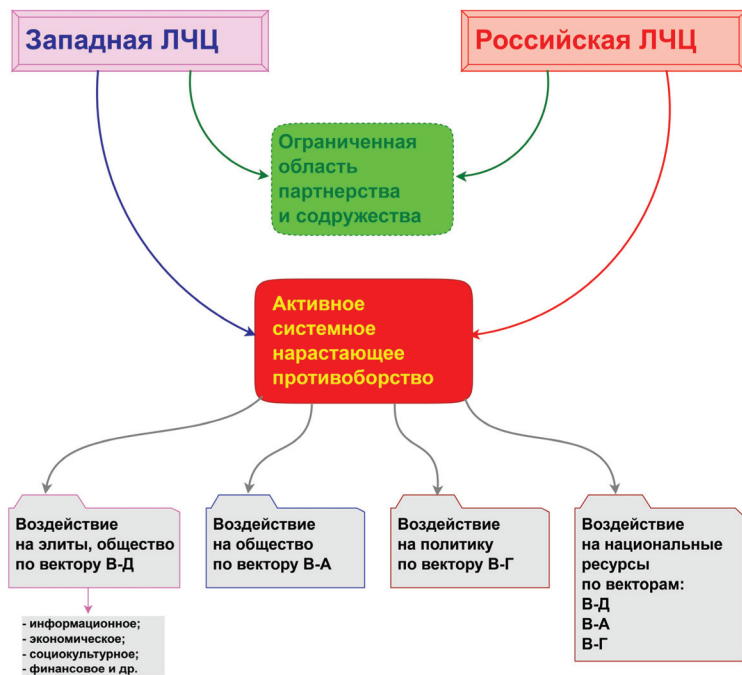
на чужие, внешние, требующие к тому же затрат национальных ресурсов. Типичным примером этого может послужить подмена целей у правящих кругов Украины в отношении России, когда ложных и чужих целей ослабления России добиваются посредством использования национальных ресурсов — человеческих, военных, духовных — Украины.

Но главное влияние все-таки внешние факторы оказывают непосредственно на нацию и общество через формирование и воспитание, а также вербовку представителей элиты. Поэтому вектор «В» — «Д» в политическом процессе и при формировании МО в XXI веке становится основным. В конечном счете будущее нации и государства будет определяться качеством и способностью элиты и общества, которое во все возрастающей степени зависит от влияния внешних факторов. Более того, в ряде случаев такое влияние внешних факторов становится решающим.

История человечества в XXI веке становится во все большей степени подвержена влиянию субъективных факторов и частных, личностных позиций, прогнозов, решений. Эта объективная реальность осознана во многих государствах и активно используется в политических целях. До тех пор пока в отношениях между ЛЧЦ и нациями будет преобладать борьба и соперничество за контроль над ресурсами, поведением в мире и транспортными коридорами, до тех пор будет расти внешнее влияние на правящую элиту противостоящей цивилизации.

Если исходить из того, что другой модели взаимоотношений между ЛЧЦ пока что не наблюдается, можно сделать неизбежный вывод о том, что наиболее вероятная модель отношений между ЛЧЦ — усиливающаяся конфронтация, а сценарий развития МО — усиление давления западной ЛЧЦ на другие ЛЧЦ и нации, прежде всего российскую, которая вплоть до 2021–2025 годов может оставаться единственной ЛЧЦ, способной оказать активное сопротивление.

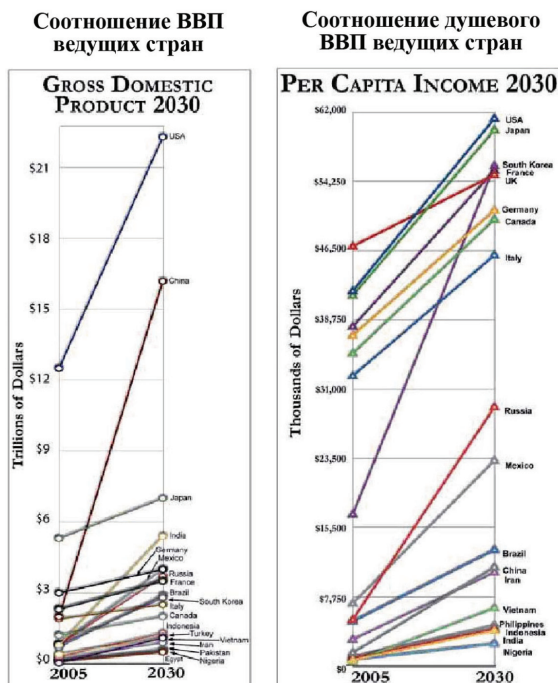
Рис. 41. Наиболее вероятная модель и сценарий развития МО до 2021–2024 гг.

Таким образом, главным объектом воздействия и основной целью противоборства становятся правящая элита и общество ЛЧЦ, нации и государства, а также понимаемые ею ценности, интересы, цели и задачи. Центр противоборства перемещается в те области, которые влияют на конкретных представителей правящей элиты и общества в наибольшей степени — личные интересы представителей элиты: экономические, социокультурные, информационные, физиологические и др. Соответственно меняется и значение тех или иных средств политики влияния. В частности, военные средства могут играть важную роль только в том случае, если они прямо затрагивают личные интересы безопасно-

сти. Бомбардировки Донецка и Луганска — бессмысленные с военной точки зрения и противоречащие прежней логике войны — становятся логичными и понятными: правящая элита и общество восточно-украинских регионов рискуют личными интересами безопасности за противодействие внешнему влиянию.

3г) Базовый вероятный сценарий развития международной обстановки в 2021–2024 годах — сетцентрическая война западной ЛЧЦ против всех новых центров силы

Рис. 42¹⁴

Не менее информативен для прогноза взаимоотношений локальных цивилизаций и их последствий для развития

¹⁴ Калашников М. Новая военная доктрина США // Журнал «Знание — Власть». Приложение к № 444/5. С. 10 [Электронный ресурс]. URL : <http://znanie-vlast.ru/arch/09/znan444-5pl.pdf>

МО прогноз душевого ВВП ведущих стран мира, который свидетельствует, на мой взгляд, прежде всего о том, что по ведущему показателю — национальному человеческому капиталу (где роль душевого ВВП значительна) — идет существенное выравнивание. Этот процесс, можно предположить, характерен и для других характеристик НЧК — образования, продолжительности жизни, уровня здравоохранения. С точки зрения будущей СО это означает, что ведущий показатель, влияющий на качество личного состава, ВиВТ, также становится сопоставимым, а значит, СО с точки зрения качественных характеристик будет формироваться под влиянием равноценных факторов.

В рамках развития парадигмы № 1 (конфликта локальных цивилизаций) сказанное означает только одно: увеличение разнообразия и конфликтности будущих сценариев развития СО, усиление риска силовой, в т. ч. вооруженной, борьбы и растущего противостояния.

Взаимосвязь развития сценариев СО и сценариев МО, производных от конфликта цивилизаций, очень заметна и игнорировать ее невозможно. Более того, именно из этой взаимосвязи следует исходить при прогнозе СО. Очевидные кризисы, имевшие место в истории ЧЦ, совпадали с резким обострением СО, увеличением числа, интенсивности и масштабов войн и военных конфликтов. Нетрудно предположить, что к 2030 годам ситуация неизбежно приведет к новой, острой и опасной фазе в развитии СО¹⁵. Если признать такую вероятность, то неизбежно следует признать и то, что в приоритеты социально-экономического развития российской цивилизации необходимо внести существенные изменения. Речь идет не только и даже не столько об увеличении военных расходов (что, как правило, прежде всего приходит в голову), а об укреплении национальной безопасности, разработке

¹⁵ Подберезкин А. И. Военные угрозы России.

наиболее эффективных средств и способов влияния на формирование будущего сценария СО. Так, если решающим военным фактором в будущем будут НЧК и его институты, т. е. качество человеческой личности (образование, культура, творческие возможности и т. д.) и способы ее реализации (институты государства и общества), то очевидность приоритетов не вызывает сомнения. В будущей СО преимущества будет иметь та цивилизация и нация, где будет высочайший уровень развития человека и степень его реализации, в том числе в ОПК, ВС, качестве ВиВТ¹⁶.

Сегодня существует немало попыток прогноза развития глобального противостояния между локальными цивилизациями, в том числе имеющими под собой самые разные основы: экономические, религиозные, социальные, военно-политические. Как правило, такие попытки детерминированы каким-то одним обстоятельством или условием. В XX и XXI веках часто такие прогнозы исходят из анализа различных фаз экономического развития человечества, предполагая, что каждая смена ведет к катаклизмам и войнам. В частности, А. Белогорьев и В. Бушуев, например, считают следующее: «В долгосрочной перспективе мировая система развивалась по гиперболическому закону, или в режиме с обострением. Этим законом описывается динамика численности населения, ВВП, потребления энергии и пр. С 1960 г. началось изменение режима роста мировой системы и выход из режима с обострением. Гиперболический рост мировой системы не является однородным. Длительные периоды сравнительно устойчивого развития (фазы) разделены короткими периодами фазовых переходов, когда меняется режим роста и сама основа развития социума. При этом переход может идти с различной скоростью и различными путями либо вообще

¹⁶ Подберезкин А. И. Военные угрозы России.

не состояться, поэтому фазы разделены острыми кризисами, когда возникает возможность реализации нескольких сценариев развития»¹⁷.

Можно принять такой подход в качестве рабочей гипотезы за основу, особенно в той его части, где речь идет о «фазовом переходе» человечества с одной стадии развития на другую, когда меняются все основные существующие парадигмы его развития: социальные, политические, экономические и иные, а именно — военно-политические и военно-технические, о чем я неоднократно также писал прежде, связывая нынешней «фазовый переход» с новой ролью национального человеческого капитала (НЧК)¹⁸.

При этом представляется крайне важным, чтобы системность «фазового перехода» не сводилась только к смене средств производства и производственных отношений, технологическому укладу и прочим экономическим атрибутам. Смена этапов, «фазовый переход» означают смену всей системы взаимоотношений между и внутри локальных цивилизаций, когда — и это важно подчеркнуть — в наименьшей степени этому подвержены национальные системы ценностей.

Формирование информационно-управленческого этапа в развитии человечества имело именно такие системные последствия, которые в агрегированном виде выразились в двух ключевых последствиях для всех существующих сегодня локальных цивилизаций.

Во-первых, этот этап привел к управленческой революции, которая:

- а) находится во втором десятилетии XXI века еще только в самом начале;

¹⁷ Тренды и сценарии развития мировой энергетики в первой половине XXI века / [Белогорьев А. М. и др.]. М. : ИД «Энергия», 2011. С. 8.

¹⁸ Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 1–2. М. : МГИМО–Университет, 2011–2013.

- б) охватила все области жизни и сферы деятельности человечества, от духовно-культурной до производственной;
- в) предоставила уникальные возможности для развития науки, образования и технологий.

Во-вторых, эта революция не поколебала ценностных основ — систем ценностей, приоритетов и интересов локальных цивилизаций. Более того, может показаться, что она даже еще больше их укрепила.

В значительной степени новый этап информационно-управленческой революции позволил подойти к решению сверхсложных задач управления — стратегическому прогнозу и планированию. В том числе и СО, которая характеризуется ежеминутным изменением тысяч факторов и переменных величин. В меньшей степени эти приемы могут способствовать усилиям по развитию глобального прогнозирования на всех этапах развития сценариев — от сценариев развития ЧЦ до сценариев войн.

Революционные, «фазовые» изменения, с одной стороны, и сохранение базовых систем ценностей локальных цивилизаций — с другой, привели к обострению конфликта локальных цивилизаций в XXI веке потому, что одна из них — западная локальная цивилизация — очевидно сделала ставку на смену систем ценностей других локальных цивилизаций в качестве предварительного условия навязывания им своих норм и правил. Все это ведет к тому, что созданная в результате этих изменений и их последствий стратегия сетецентрических войн, которая стала реализовываться вместо холодной войны в 90-е годы XX века, сформулировала следующие этапы в достижении своих целей, которые можно сопоставить с развитием событий (реализации стратегии) на Украине в 1990–2014 годы (рис. 43).

В этой связи особенно важным становится аналитическое обеспечение противодействия сетецентрической вой-

Рис. 43

Приоритетность и последовательность достижения целей сетецентрической войны

Пример Украины

не, которое не может быть заменено или компенсировано какими-либо иными мерами: победа в сетецентрической войне — это, прежде всего, интеллектуальная и идеологическая, а затем уже медийная победа, когда вооруженные силы используются в крайнем случае, как правило, после неудачных идеологических операций. События на Украине — подтверждение этому. Блестящий план войны был отчасти сорван тем, что на юго-востоке сохранилась часть граждан, не желающих менять национальную самоидентификацию.

Необходима победа на всех направлениях интеллектуальной борьбы. Без исключения и без компромиссов.

По мнению А. Белогорьева и В. Бушуева, «динамика мировой системы в 1800–1970 гг. определялась очередной фазой долгосрочного гиперболического роста — индустриальной. В рамках индустриальной фазы наблюдались несколько волн роста, разделенных острыми кризисами, которые сопровождались сменой парадигмы развития. Это кризис начала 1930-х гг., кризис начала 1970-х гг. и кризис конца 2000-х гг.

Рис. 44. Основные группы типовых аналитических задач¹⁹

Кризис начала 1930-х гг. привел к тому, что резко усилилось государственное воздействие на экономику в США, Германии и СССР. Этот процесс совпал с ускоренной индустриализа-

¹⁹ Общество, власть и аналитика: сб. статей и докладов (по материалам общественных слушаний Комиссии Общественной палаты Российской Федерации) по проблемам национальной безопасности и социально-экономическим условиям жизни военнослужащих, членов их семей и ветеранов / под ред. д-ра филос. наук А. Н. Каньшина. М.: МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2013. С. 77 [Электронный ресурс]. URL : http://www.oprf.ru/files/2013dok/Sbornik_dokladov_03102013.pdf

цией и резким ростом спроса на электрическую энергию для промышленности и нефтяное моторное топливо»²⁰.

К сожалению, авторы не соотносят четко границы этого кризиса с военно-политическим кризисом в мире, который привел к войне. И, соответственно, не видят обратного воздействия: как сознательное обострение СО вело к ослаблению и выходу из кризиса.

Так же они относятся и к кризису 1970-х годов, не выделяя в нем военно-политической составляющей. А между тем как минимум три события военно-политического характера имели значение для развития этого кризиса: во-первых, фиксирование в начале 1970-х годов стратегического паритета США — СССР и начало переговоров; во-вторых, провал войны во Вьетнаме; в-третьих, арабо-израильская война 1973 года. Авторы не видят этой взаимосвязи: «Кризис начала 1970-х гг. был вызван переходом США и Западной Европы к постиндустриальному развитию и окончанием холодной войны. Резко возросла роль частного предпринимательства, произошли либерализация и монетизация мировой экономики, на смену кейнсианскому регулированию пришло монетаристское. Ускорилось развитие атомной энергетики, возрос спрос на газ как топливо для энергетики, обслуживающей малый и средний бизнес и жилищно-сервисную сферу»²¹.

Кризис 1970-х годов в конечном счете был разрешен переходом многих стран к постиндустриальной фазе развития. Но наряду с этим сохранились и предыдущие фазы и уклады. Три его основные составляющие — глобализация, информатизация и либерализация — были определяющими на этой фазе развития. Ключевые показатели мировой динамики после 1970 года резко изменились. Темпы экономического роста снизились с 4–5% в год в 1945–1970 годы до 3% в год

²⁰ Тренды и сценарии развития мировой энергетики в первой половине XXI века / [Белогорьев А. М. и др.]. М. : ИД «Энергия», 2011. С. 9.

²¹ Там же.

Рис. 45. Циклы и кризисы мирового развития²²

Источник: ИЭС.

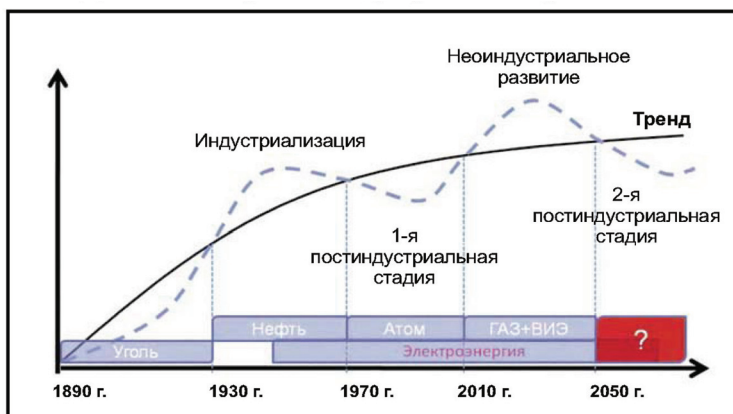
в 1970–2010 годы. Темпы роста потребления энергии снизились с 5% в год до 2% и менее.

К концу 2000-х годов темпы экономического и энергетического роста приблизились к историческим максимумам 1950–1960-х годов, причем максимальные темпы наблюдались в развивающихся странах. Но в 2000-е годы с вовлечением ключевых развивающихся стран в мировую экономику были достигнуты пределы глобализации. Развитие информационной сферы стало приобретать отчетливо спекулятивный характер, проявившийся в кризисе высокотехнологичной экономики в США в 2001 году и предшествующем ему буме. Произошло исчерпание потенциала глобализации, информатизации и либерализации, что было вскрыто в ходе глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 годов²³.

²² Тренды и сценарии развития мировой энергетики в первой половине XXI века / [Белогорьев А. М. и др.]. М. : ИД «Энергия», 2011. С. 10.

²³ Там же. С. 11.

Рис. 46. Динамика мирового индустриального развития²⁴

Источник: ИЭС.

К сожалению, авторы опять не видят политических и других аспектов проблемы кризиса, что мешает им уйти от механического описания экономически детерминированных, по их мнению, процессов. На самом деле вторая постиндустриальная фаза (по их терминологии) развития западной локальной цивилизации характеризуется политикой ужесточения ее контроля над мировыми процессами в целях переложить издержки и риски глобализации на другие страны. Так, финансовая политика, основанная на спекуляциях мирового масштаба, перестала фактически работать на экономику развития, но все издержки этого ощутили на себе прежде всего другие государства, которых заставили принять эти правила игры силовыми средствами.

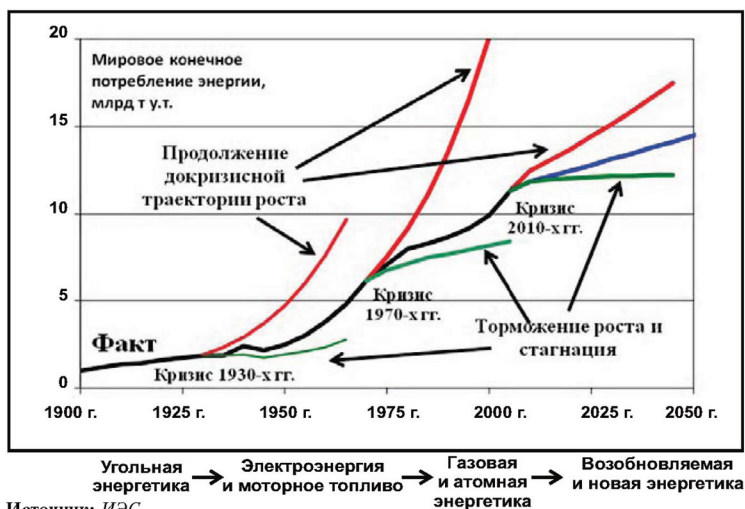
И далее авторы исходят только из оценки экономических предпосылок, не считая, что они являются всего лишь

²⁴ Тренды и сценарии развития мировой энергетики в первой половине XXI века / [Белогорьев А. М. и др.]. М. : ИД «Энергия», 2011. С. 10.

частью цивилизационных. Так, они пишут, что «возникла объективная необходимость очередной смены парадигмы развития», не раскрывая содержания «этой необходимости». «Это потребовало усиления роли государства, — продолжают они, — перехода основных углеводородных ресурсов под контроль национальных нефтегазовых компаний (вместо доминирования транснациональных компаний), развития принципов регионального самообеспечения и национальной энергетической безопасности, интенсификации энергосбережения и развития ВИЭ.

Каждый кризис вызывал изменение динамики мировой энергетики, которая сходила с устойчивой траектории экспоненциального роста, характерной для докризисного периода (1945–1970, 1980–2005 гг.)»²⁵.

Рис. 47. Динамика мирового энергетического развития

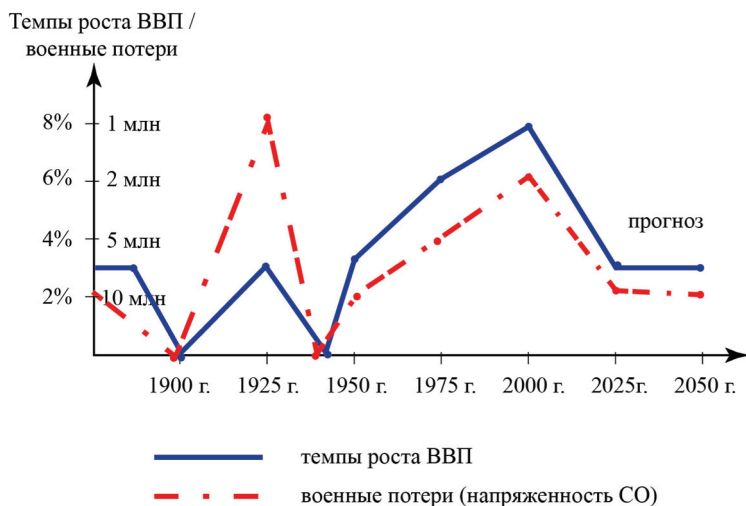

²⁵ Тренды и сценарии развития мировой энергетики в первой половине XXI века / [Белогорьев А. М. и др.]. М. : ИД «Энергия», 2011. С. 11.

Как видно из рисунка авторов, мировые кризисы XX и XXI веков определенно совпадали по времени с периодом обострения СО и началом серии войн. В этом проявляется уникальный и универсальный характер войн как средства против кризисов. Так же, впрочем, как и отрубленная голова — лучшее средство от головной боли. Мы не можем игнорировать этой очевидной взаимосвязи хотя бы потому, что она подтверждается развитием человечества и СО во втором десятилетии. На этой взаимосвязи в конечном счете построена и вся стратегия сетцентрической войны, которая предназначена для обострения противоречий между локальными цивилизациями в периоды кризисов и перевода их в силовую форму. Эту взаимосвязь можно условно обозначить на графике следующим образом (рис. 48).

Рис. 48

**Взаимосвязь между кризисами
в отношениях между локальными цивилизациями
и обострением СО в XX и XXI веках**

Как видно из этой модели, существует фактически полная корреляция между темпами роста мирового ВВП и военными жертвами, понесенными в войнах и конфликтах: чем ниже темпы роста — тем выше потери. Сетевая война 2000–2025 годов «стабилизирует» эти тенденции на низком уровне роста мирового ВВП (3–3,2%) и высоком уровне потерь от войн и конфликтов (5–10 млн чел.). Причем и первая, и вторая тенденции имеют устойчивый вектор к сохранению. Сетевая война, таким образом, «формализует» отношения и взаимосвязь между ними.

Не стоит, однако, думать, что детерминация СО от динамики роста ВВП абсолютная и не зависит от субъективных факторов. Наоборот, именно в области формирования СО влияние социальных факторов ощущается сильнее в области МО и ВПО: в конечном счете любые решения «на войну» определяют будущее всей нации. Но не только. Мы порой недооцениваем масштаб последствий принимаемых субъективных решений, совокупность которых в той или иной степени закладывает реальный сценарий будущего. Так, решение о массовой приватизации ОПК России в 90-е гг. XX века привело к деградации либо полной потере целых отраслей, сделала военную экономику полностью импортозависимой и, как следствие, привело к отставанию в создании целых классов ВиВТ²⁶, росту импортозависимости и технологическому отставанию. Но никто еще не может во втором десятилетии XXI века оценить адекватно последствия этого субъективного решения для безопасности нации и будущего всей российской локальной цивилизации, хотя пример Украины и подсказывает, что может ожидать Россию в ближнесрочной перспективе, если не удастся исправить последствия этих субъективных решений.

²⁶ Секреты российской приватизации [Подберезкин А и др.]. М., 2004.

Зд) Сценарное прогнозирование и стратегическое планирование международной обстановки в интересах России

Идеализированная страна без идеи, обладающая наибольшими территориями на Земле — и с приростом населения на 0,2% в год... а той скрепы, которой в свое время являлась советская идеология, сейчас нет²⁷.

В. Разуваев, В. Разуваев

Многие помнят о полете Юрия Гагарина... не столько по внутреннему, научному или историческому значению этого события, сколько по его использованию в целях пропаганды. Это было очень важно — выбрать такой образ. Именно Гагарин стал типичной символической фигурой будущего. Причем был сделан акцент на то, что завтрашний день принадлежит социализму. Идеей прекрасного будущего политики стараются заряжать образы людей и характер событий, которые взрывают границы обыденного, будничного²⁸.

Дж. Бенси, итальянский журналист

Будущие сценарии международной обстановки (МО) начинают формироваться уже сегодня. Они не появляются «сами по себе» из «ниоткуда», они создаются знанием и волей людей. В формировании будущего сценария МО будут играть решающее влияние два фактора, которые необходимо не просто учитывать, но взять за основу в своей политике.

²⁷ Разуваев В., Разуваев В. Россия проигрывает в споре цивилизаций // Независимая газета. 2015. 17 февраля. С. 9.

²⁸ Бенси Дж. Между сущим и грядущим // Независимая газета. НГ-сценарии. 2015. 27 января. С. 14.

Во-первых, это решающая роль идеологии и базирующейся на идеологии стратегии. Сегодня такая идеология и стратегия есть у двух ведущих ЛЧЦ — американской и китайской, но ее нет у российской. Поэтому в борьбе локальных цивилизаций российская окажется изначально в проигрыше.

Во-вторых, усиление влияния субъективного фактора на формирование МО выражается прежде всего в усилении влияния национального человеческого капитала и институтов его реализации.

Это означает, что роль этого фактора в формировании будущей международной обстановки должна будет переоценена. Прежде всего потому, что его культурный, образовательный и исторический потенциалы очевидно недооценены и не используются в полной мере в качестве внешнеполитических ресурсов²⁹. Среди большого числа возможных негативных сценариев развития МО, вытекающих из конфликта ЛЧЦ, сохраняется возможность, более того, вероятность развития позитивного сценария. Причем в создании и реализации такой возможности исключительная роль принадлежит России.

Россия может предложить другим локальным человеческим цивилизациям и нациям альтернативный и позитивный сценарий развития МО в силу нескольких обстоятельств.

Во-первых, усиление субъективных факторов формирования МО в XX и XXI веках придает особое значение идеологии как политическому средству влияния. Привлекательная идеология (в данном случае система взглядов) становится «желаемым образом будущего», т. е. своего рода сценарием, изначально альтернативным сценариям противоборства. Такую идеологию не могут предложить ни западная ЛЧЦ,

²⁹ Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. М.: МГИМО-Университет. 2011–2013.

ни исламская, ни китайская (в силу своей национальной специфики), ни индийская.

Во-вторых, обострение МО в XXI веке находит понимание значительным числом представителей общественного мнения самых разных ЛЧЦ, которые осознают антигуманный и антисоциальный характер господствующей системы. Не случайно в многочисленных прогнозах США две первые по порядку и значению глобальные угрозы США видятся в социальной несправедливости и обнищании населения.

Формирование и реализация того или иного сценария МО в долгосрочной перспективе будут во многом зависеть от позиции России и того сценария развития, который она выберет, того образа, который будет привлекательным. История начала XIX века, эпохи Наполеона, начала и середины XX века свидетельствуют о том, что «фактор России» играл в сценариях развития МО огромную роль.

Список источников и литературы

1. 10 наиболее вероятных сценариев апокалипсиса [Электронный ресурс]. URL : <http://smartsourcing.ru/blogs/kurilka/1843>
2. Аладьин В., Ковалев В., Малков С. Пределы сокращения / отв. ред. О. А. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2013.
3. Башкатова А., Сергеев М. Запад перекрывает России доступ к Арктике // Независимая газета. 2014. 12 сентября.
4. Бенси Дж. Между сущим и грядущим // Независимая газета. НГ-сценарии. 2015. 27 января.
5. Введение в прикладной анализ международных ситуаций / под ред. Т. А. Шаклеиной. М. : ЗАО «Аспект Пресс», 2014.
6. Вероятность совпадения прогнозов, основанных на трендах, с реальностью [Электронный ресурс]. URL : <http://prognoz.eurasian-defence.ru/node/70918> (дата обращения: 27.01.2015).
7. Верхожанцев А. Приметы третьей мировой войны / «ЦВПИ» [Электронный ресурс]. URL : <http://eurasian-defence.ru>. 2015. 2 марта.
8. ВильямсДж. Д. Совершенный стратег, или букварь по теории стратегических игр / Под ред. и с пред. И. А. Полетаева. М. : Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2009.

9. Владимиров А.И. Основы общей теории войны. В 2 ч. Ч. 1. Основы теории войны. М. : Синергия, 2013.
10. Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Президентом РФ В. Путиным 26 декабря 2014 г. [Электронный ресурс]. URL : <http://www.kremlin.ru/>
11. Волкова Т. Китайская стратегия украинской войны [Электронный ресурс]. URL : <http://forum-msk.org/> (дата обращения: 21.01.2015).
12. Глазьев С. Ю. Выход из хаоса // Военно-промышленный курьер [Электронный ресурс]. URL : <http://vpk-news.ru/articles/22623>
13. Глазьев С. Ю. Украинская катастрофа: от американской агрессии к мировой войне? М. : Книжный мир, 2015.
14. Доклад о стратегии использования ядерного оружия Соединенными Штатами Америки. Направлен в конгресс правительством США в соответствии с положением раздела 491 тома 10 Свода законов США 12 июня 2013 г. С. 9 [Электронный ресурс]. URL : http://www.defense.gov/pubs/ReporttoCongressonUSNuclearEmploymentStrategy_Section491.pdf
15. Дынкин А. А. Предисловие // Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант / под ред. акад. А. А. Дынкина, ИМЭМО РАН. М. : Магистр, 2011.
16. Зиновьева Е. «Балканизация» интернета [Электронный ресурс]. URL : <http://www.mgimo.ru/> (дата обращения: 20.01.2015).
17. Иноземцев В. Не потеряться во времени // Литературная газета. 2014. № 36 (6478).
18. Историческая психология как наука. [Электронный ресурс]. URL : <http://www.bibliotekar.ru/psihologia-2-1/112.htm>
19. Калашников М. Новая военная доктрина США // Журнал «Знание — Власти». Приложение к № 444/5. С. 10 [Электронный ресурс]. URL : <http://znanie-vlast.ru/arch/09/znan444-5pl.pdf>

20. Китай владеет ключом к резкому росту цен на золото. 22 января 2015 г. URL : <http://gold.ru/analytics/kitaj-vladeet-kljuchom-k-rezkomu-rostu-cen-na-zoloto.html>
21. Климов А. В. БРИКС: уже не только саммиты // Международная жизнь. 2014. № 10.
22. Коновалов М. А. Состояние и перспективы развития военно-политической обстановки в Афганистане в свете завершения миссии Международных сил содействия безопасности: аналитическая записка. М. : МГИМО–Университет, 2014.
23. Ларина Е. Инженеры хаоса: почему теракт в Париже совершили агенты спецслужб [Электронный ресурс]. URL : <http://topwar.ru/> (дата обращения: 17 января 2015 г.).
24. Латухина К. Просчитать угрозы // Российская газета. 2014. 11 сентября.
25. Мансуров Т. ЕвразЭС: от интеграционного сотрудничества к Евразийскому экономическому союзу // Международная жизнь. 2014. № 14.
26. Мизин В. И. Становление европейской внешнеполитической службы: достижения и сложности: аналитическая записка. М. : МГИМО–Университет, 2014.
27. Нарышкин С. Е. Вступительное слово // Подберезкин А. И., Мунтян М. А., Харкевич М. В. Долгосрочное прогнозирование сценариев развития военно-политической обстановки: аналит. доклад. М. : МГИМО–Университет, 2014.
28. Новиков Я. В. Вступительное слово // Подберезкин А. И., Мунтян М. А., Харкевич М. В. Долгосрочное прогнозирование сценариев развития военно-политической обстановки: аналит. доклад. М. : МГИМО–Университет, 2014.
29. Общество, власть и аналитика: сб. статей и докладов (по материалам общественных слушаний Комиссии Общественной палаты Российской Федерации) по проблемам национальной безопасности и социально-экономичес-

- ким условиям жизни военнослужащих, членов их семей и ветеранов / под ред. д-ра филос. наук А. Н. Каньшина. М. : МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2013. С. 77 [Электронный ресурс]. URL : http://www.oprf.ru/files/2013dok/Sbornik_dokladov_03102013.pdf
30. Панфилова И. ИГИЛ намерен открыть второй фронт в Центральной Азии // Независимая газета. 2015. 21 января.
 31. Переслегин С., Переслегина Е. Дикие карты будущего, или «Сталинград» (фрагмент).
 32. Подберезкин А. И. Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития. М. : МГИМО–Университет, 2014.
 33. Подберезкин А. И. Значение развития систем боевого управления, связи и разведки в военной доктрине США: дис... д-ра ист. наук : 1990 / ДА МИД СССР [Электронный ресурс]. URL : <http://viperson.ru/>
 34. Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. Т. I–III. М. : МГИМО–Университет, 2011–2013.
 35. Подберезкин А. И. Сборник сокращений по международной, политической, социально-экономической и военно-политической тематике. М. : МГИМО–Университет, 2013.
 36. Подберезкин А. И. Стратегия для будущего президента России: русский путь / ВОПД «Духовное наследие». М., 2000.
 37. Подберезкин А. И. Военно-политические аспекты прогнозирования. М. : МГИМО–Университет, 2014.
 38. Подберезкин А. И., Мунтян М. А., Харкевич М. В. Долгосрочное прогнозирование сценариев развития военно-политической обстановки: аналит. доклад. М. : МГИМО–Университет, 2014.
 39. Подберезкина А. И. Военные угрозы России. М. : МГИМО–Университет, 2014.
 40. Противопартизанские операции. Полевой устав Армии США FM 90-8. Вашингтон, 1986. 29 VIII. С.

41. Разуваев В., Разуваев В. Россия проигрывает в споре цивилизаций // Независимая газета. 2015. 17 февраля. С. 9.
42. Рогов С. Доктрина Обамы. Властелин двух колец // Российская газета. 2013. 17 апреля.
43. Сергей Лавров: ШОС отвечает реалиям и потребностям XXI века. 2014. 7 октября.
44. Скосырев В. Индия обошла Китай по темпам экономического роста // Независимая газета. 2015. 13 февраля.
45. Стратегический глобальный прогноз 2030 / под ред. акад. А. А. Дынкина, ИМЭМО РАН. М. :Ма-гистр. 2011.
46. Стрельцов Д. Азиатский вектор российской дипломатии: Китай, Турция, Япония [Электронный ре-сурс]. URL : <http://www.mgimo.ru/> (дата обращения: 28.01.2015).
47. Сценарный прогноз развития ситуации в Центральной Азии после вывода коалиционных войск из Афганистана 2014–2024 гг. // РСМД. 2013. 23 мая [Электронный ресурс]. URL : <http://ncouncil.ru/inner/>
48. Тренды и сценарии развития мировой энергетики в первой половине XXI века / [Белогорьев А. М. и др.]. М. : ИД «Энергия», 2011.
49. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».
50. Черненко Е. Эдвард Сноуден дошел до второй стадии // Коммерсант. 2015. 19 января. С. 1.
51. Яковенко А. После смерти идеологии // Россия в глобальной политике. Т. 10. 2014. № 4.
52. 2015 Global Forecast. Crisis and Opportunity // CSIS. 2014.
53. Donilon Tom. The United States and the Asia-Pacific in 2013 // The Asia Society. New York, March 11, 2013.
54. Technology and Innovation Enablers for Superiority in 2030 // Report of the Defense Science Board. September 19, 2013 / Office of the Secretary of Defense. Wash., DC 20301–3140.

Научное издание

Подберезкин Алексей Иванович

**Третья мировая война против России:
введение к исследованию**

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
данная продукция маркировке не подлежит

Компьютерная верстка *А. С. Туманова*
Оформление *М. М. Петухова*

Подписано в печать 17.03.2015
Формат 60×84¹/₁₆ Усл.-печ. л. 10,5
Тираж 100. Заказ № 316

Издательство «МГИМО–Университет»
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО(У) МИД России
119454, Москва, пр. Вернадского, 76